

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

Ма́чо ЧУЖОЙ мечты

**Я готовлю
вам подарки!**

Дорогие мои, любимые!
Теперь в каждой моей новинке
в твердом переплете – купон
на подарок! Самых активных
читателей ждет семейный
отдых в солнечном Египте!

**Ваша
Дарья Донцова**

Агентство частного сыска
Иван Подушкин

Джентльмен сыска Иван Подушкин

Дарья Донцова

Мачо чужой мечты

«ЭКСМО»

2006

Донцова Д. А.

Мачо чужой мечты / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2006 — (Джентльмен сыска Иван Подушкин)

Иван Подушкин не в состоянии больше терпеть тиранию владелицы детективного агентства «Ниро». Но приходится! К Норе за интервью явилась репортерша из гламурного журнала, и тут же нарисовалась клиентка с жуткой фамилией Умер. Эта самая Соня Умер пришла явно не по адресу, ей нужно получить разрешение от мужа, звезды телеэкрана Андрея Вяльцева, на выезд их общего сына за границу. Однако Нора, не желая упасть лицом в грязь перед журналисткой, заставляет Ваню поехать к телезвезде за разрешением. Взбешенный Вяльцев выставляет Ивана вон! Самое смешное, что Нора на следующий же день раздобыла за деньги необходимый документ и Подушкин повез его клиентке. Но Ваня нашел в квартире убитую Соню с изуродованным лицом... Вот тут и начались бега Подушкина по пересеченной следами преступников местности...

© Донцова Д. А., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дарья Донцова

Мачо чужой мечты

Глава 1

«Если не хотите потолстеть, то никогда не ешьте торт вместе с хлебом».

Я отложил в сторону глянцевый журнал и с тоской уставился на обложку, где красовалась блондинка с выпуклыми глазами сытого пекинеса. Интересно, во всех изданиях для женщин публикуют подобные статьи или мне попался особо «продвинутый» номер? Погибая от скуки, я схватил валявшийся в прихожей журнал, по инерции начал изучать его содержание и узнал много интересного о мужчинах. Оказывается, все представители сильного пола являются дичью с безлимитным сезоном охоты. Причем в отличие от животных, которые худо-бедно охраняются законом и могут некоторое время в году ощущать себя в полнейшей безопасности, мужчины находятся постоянно под прицелом. Для того чтобы милые дамы могли заполучить себе сильную половину, работают целые отрасли. После прочтения глянцевых страниц во мне поселилась стопроцентная уверенность: вся косметика, парфюмерия и одежда вместе с бельем и обувью создаются лишь с одной целью – помочь захомутать мужика. Ни в одной статье я не прочел: «Девушки, осваивайте профессию, делайте карьеру, учитесь самостоятельно отвечать за свои поступки, развивайте ум и воспитывайте в себе терпимость к окружающим». Нет, журналисты – думаю, основное их количество состоит из прекрасных дам – проповедовали: «Сочная помада сделает ваши губы призывными», «Новая модель лифчика значительно увеличит грудь, вам обеспечено внимание», «Босоножки на высоком каблуке даже короткие ноги превратят в длинные, и вы покорите его». Представляете размер катастрофы? Приводите домой роскошную блондинку... Ладно, вы на ней женились, и вот рано или поздно наступит момент, когда супруга снимет тот самый лифчик, скинет босоножки, умоется, и что вы увидите?

Наверное, надо делать ставку не на обувь и пудру, а на нечто иное. Кстати, девицы, самозабвенно расписывающие новинки макияжа, абсолютно упускают один очень важный нюанс – это вкус косметики. Иногда мужчина хочет поцеловать женщину, и если она в этот момент находится в боевой раскраске индейца, то кавалера может попросту стошнить, в прямом смысле слова. Губная помада, как правило, на вкус напоминает несвежее сливочное масло, в которое по недоразумению добавили анилиновые краски. Я уж не говорю о пудре, которая забивается в нос кавалеру и вызывает приступ чихания и кашля. Правда, в последнее время производители начали ароматизировать косметику, но стало только хуже. Теперь вы рискуете наестся блеска, пованивающего клубникой, шоколадом или ванилью. Ей-богу, остается удивляться недалёковидности производителей, ну кто в основном целует женщин? Особ с нормальной ориентацией на свете подавляющее количество, своими накрашенными губами они тянутся к мужчинам. Значит, краски должны иметь вкус, который по душе представителям сильного пола: пива, котлет, шашлыка, коньяка, виски, соленых орешков, но никак не липких карамелек.

Положа руку на сердце, скажите, что важнее: роскошный кружевной лифчик или его содержимое? Лично меня охватывает жестокое разочарование, когда дама, потупив взор, вылезает из шикарного белья, и ты понимаешь: роскошные формы – обман. Грудь казалась высокой благодаря мелким хитростям бюстгалтера: наполненные гелем подушечки, поролоновые вставки, железные полукружья...

Что там еще придумано, дабы окончательно задурить голову наивным парням? Утягивающие колготки, в которых самым расчудесным образом прячутся толстые ляжки? Корсет, превращающий поленообразное туловище в «рюмочку»? Ботокс, разглаживающий лоб?

Ладно, оставим в покое ту часть журнала, которая занимается внешностью, и прочтем страницы, где обсуждается психологическая сторона атаки на зверя по имени «муж». Лично я после изучения рекомендаций «человековедов» сначала пришел в здоровое недоумение, а потом впал в негодование. Получается, что представители сильного пола – это вечно голодные бабуины. При виде миски, наполненной горячей едой, и бутылочки запотевшего пива любой мужчина, по мнению авторов данного журнала, забудет обо всем на свете, более того, мы не способны ни на какие эмоции, пока не набьем желудок жратвой, а насытившись, сразу же идем на поводу у основного инстинкта. Сильной половиной человечества можно легко управлять, нажимая на эти две педали. Хочешь похвалить – накорми и уложи в постель, желаешь поругать – лиши всех радостей, и жертва упадет к твоим ногам, простирая руки и стеная:

– Милая, не будь жестока!

А еще, оказывается, в спальне необходимо зажечь свечи или ароматические палочки, и женихи словно мотыльки полетят на огонь. Господа, эти психологи когда-нибудь задавали обычным мужчинам вопрос:

– Ребята, вам нравятся облака вонючего дыма? Вы в восторге от партнерши, которая, просидев полвечера в ванной, ложится в кровать, липкая от крема, облитая духами и обсыпанная тальком?

Кроме голода и сексуального возбуждения, мужчины испытывают и массу других эмоций: гнев, ненависть, раздражение, ревность, любовь, нежность, желание оберегать женщину и...

– Ваня! – закричала Элеонора. – Ты чем занят?

– Читаю, – честно признался я, живо запихивая идиотский глянец под плед.

Нора, забыв постучать, вошла в мою комнату, я быстро схватил со стола роскошный том «Цивилизация инков». Не дай бог хозяйка увидит в моей спальне дамское издание, потом греха не оберешься, начнет подсмеиваться, подкалывать. Ни за что не поверит в то, что я стал просматривать его из чистого любопытства.

– В прихожей лежал журнал, – сказала Нора, – я понимаю глупость вопроса, но не брал ли ты его?

– Нет, – живо соврал я.

– Куда он подевался? – дернула плечом Элеонора. – Неужели Ленка уперла? Пойду порожусь у нее в комнате, хотя предположить, что домработница взяла его, нелепо. Не знаешь, она умеет читать?

Я хмыкнул. Нора страшный человек, язык у нее словно ядовитое жало. Особо язвительной хозяйка делается, если устанет или чем-то недовольна, а сегодня, похоже, Нора встала не с той ноги.

Сердито покашливая, Элеонора ушла, я вскочил, на цыпочках прокрался в прихожую и громко воскликнул:

– Вы ищете журнал под названием «Счастье»?¹

Хозяйка вышла из спальни Ленки в коридор.

– Да.

– Вот оно!

– Я только что перерыла весь холл и ничего не обнаружила, – с подозрением протянула Нора.

– За тумбу упал, – с самым честным видом объяснил я, – вы читаете «глянец»?

Элеонора ответила:

– Да, обожаю на досуге посмотреть картинки с тряпками!

Я замолчал, а хозяйка подошла, взяла у меня «Счастье» и, полистав страницы, заявила:

¹ Подобного журнала на момент написания книги не существовало. Все совпадения случайны.

– В особенности я в восторге от статьи «Как забеременеть без особого труда». Интересно, что корреспондентка имела в виду под «трудом»? Ваня, не стой столбом! К нам сейчас придет редактор «Счастья»... э... Катерина... э... э... фамилию забыла. Ну, да не в ней суть. Девушка будет брать у меня интервью.

– Зачем? – весьма нетактично поинтересовался я.

– Хороший вопрос! – ответила Нора. – Для того, чтобы получить его! «Счастье» пишет о женщинах, я показала им примером успешной бизнесвумен, отсюда и интерес! Вот приобрела сей журнальчик, пойду погляжу, что он собой представляет!

– Не жалко вам тратить время на глупости? – вырвалось у меня.

Элеонора усмехнулась:

– Ваня, у нас сейчас перебой с клиентами. Никто не ожидал, что подобный кризис случится осенью, я, естественно, предвидела спад летом, и он произошел, как и рассчитывала, в августе. Но я абсолютно не планировала, что простой продолжится и в сентябре. Сегодня одиннадцатое число, и никаких клиентов!

– Многие предпочитают проводить отпуск в первый месяц осени, – утешил я Элеонору, – на юге наступает бархатный сезон: ни крикливых детей, ни пьяных студентов, лишь уважаемые люди.

– И тут я скумекала, – совершенно не обращая на меня никакого внимания, продолжила Нора, – нам не хватает пиара. До сих пор слава о «Ниро» распространялась лишь среди наших знакомых, а после статьи в журнале она разнесется по всей Москве и окрестностям.

Я испугался:

– Вы хотите расширить бизнес?

Элеонора заморгала:

– Зачем?

– Нас всего двое, – продолжал я, – мозг – это вы – и, так сказать, ноги, к коим я отношу себя. Правда, теперь, когда вы встали из коляски...

– Тебе все равно не удастся подняться до уровня мозга, – рявкнула Нора, – никакого увеличения штата сотрудников не предвидится. Просто из огромной массы проблем, с которыми кинутся клиенты в мое детективное агентство «Ниро», я начну выбирать самые интересные дела! А то последнее время просто тоска заела! Ладно, пойду почитаю журнал, внешне он смотрится совсем даже неплохо, не правда ли? Надеюсь, обложка соответствует содержанию!

Я с готовностью закивал, вот тут Нора попала в точку! Под идиотской обложкой моя хозяйка обнаружит такое же.

– Журналистка заявится в полдень, – крикнула Нора и исчезла в своей комнате, – будь готов.

– Но это ваше интервью! – напомнил я.

– И что? Ты будешь присутствовать в качестве начальника розыскного отдела! – сообщила Нора. – Звезде нужна толпа, иначе она самый обычный человек, а не VIP-персона.

Без пятинадцати час прозвучал звонок в дверь. Я открыл ее и оказался буквально растоптан жилистой дамочкой, одетой в «сексуальный, соблазнительный топик, подчеркивающий формы, и модные брюки, украшенные ручной вышивкой». Последняя часть фразы – цитата из журнала, в котором служит мадам, влетевшая в нашу переднюю. Кстати, никто не знает, отчего вещи с наименованием «ручная работа» столь высоко ценятся? Насколько я понимаю, все вокруг сшито, скроено, сметано именно руками. Подумаешь – «ручная работа»? Эка невидаль!

– Вы сами виноваты, – угрожающе размахивая сумочкой, заявила редактор.

– В чем я провинился? – улыбнулся я. – Мы даже не знакомы.

– Надо предупреждать, что живете хрен знает где, – не успокоилась она, – просто жуть! Еле-еле нашла! Только попробуйте сделать замечание об опоздании! Сразу уйду! Мы решили

оказать вам любезность, напечатать интервью на страницах «Счастья», а вы позволяете себе жить на задворках! Безобразие! Ну, куда идти?

Старательно улыбаясь, я провел мадам в кабинет к Норе, хозяйка сделала приглашающий жест.

– Садитесь. Я Элеонора, владелица детективного агентства «Ниро», а это Иван Павлович, начальник отдела... э... следствия и розыска.

– Сколько у вас подразделений? – с места в карьер ринулась редактор.

Нора тряхнула головой.

– Очень много, но все назвать не могу, эта информация является коммерческой тайной. Естественно, существует и техническая, и хозяйственная служба.

Я внутренне ухмыльнулся. Нора старательно подготовилась к интервью, под технической службой, очевидно, подразумевается водитель Шурик, добрый простоватый парень, уверенно управляющий роскошным «Мерседесом» Норы, а хозяйственный отдел – это Ленка, домработница, лентяйка, ухитряющаяся так стирать мои рубашки, что они превращаются в распашонки.

Ничего не зная о моих мыслях Нора мирно врала дальше, я буквально заслушался речами хозяйки, а потом даже начал испытывать гордость. Вот, оказывается, в каком шикарном месте я состою на службе. Не знал, что «Ниро», по итогам опроса клиентов, стало лучшим агентством России.

Плавное течение беседы прервал резкий звонок в дверь.

– Пойди глянь, кто там, – недовольно сказала Нора.

Я потрусил в приемную. Скорей всего, это Ленка, ходившая на рынок, наша «хозяйственная служба» на редкость безголова.

Я открыл дверь и чуть не ляпнул:

– Опять не подумала о ключах!

Но успел прикусить язык, на пороге стояла симпатичная девочка лет пятнадцати.

– Здравствуйте, – прошелестела она и опустила вниз прелестные голубые глаза.

– Добрый день, – ласково ответил я.

– Агентство «Ниро» тут расположено?

– Именно так, – закивал я.

– Мне надо поговорить, – зарделась девочка, – у меня проблема. Вы не волнуйтесь, никакого напряжения с деньгами нет. Заплачу, сколько скажете.

По-хорошему следовало ответить: «Увы, сейчас в комнате хозяйки находится журналист, зайдите, пожалуйста, позднее».

Но девочка была очень мила, ее тоненькие пальчики теребили ручки крохотной сумочки, щеки заливал нежный, естественный румянец, глаза лихорадочно поблескивали. Похоже, у бедняжки и в самом деле приключилась беда, подростки часто попадают в щекотливые ситуации.

– Присядьте, пожалуйста, в кресло, – промямлил я, – сейчас спрошу у Элеоноры, сумеет ли она вас принять.

В конце концов, интервью не может длиться вечно, отведу неожиданную посетительницу в столовую, предложу ей кофе, у нас есть машинка для варки эспрессо.

Девочка покорно опустилась в кресло. Я вернулся к Норе.

– Иван Павлович, – слишком сладким голосом заявила хозяйка, – сделай одолжение, не исчезай без следа, у Катерины есть вопросы по твоей части. Сколько дел мы раскрыли в этом году?

Я кашлянул:

– Надо посмотреть по картотеке.

– Вот и займись!

– Там клиентка пришла, – сказал я.

Нора разозлилась еще больше:

– И что? Пусть явится позднее.

– Молодая девушка, – решил я пролоббировать интересы посетительницы. – Старшеклассница очень нервничает, думаю, с ней приключилась настоящая беда. Не хочется отпустить в таком состоянии, если не возражаете, она подождет пока в столовой.

Брови Норы слегка изогнулись, хозяйка явно была недовольна мною, но ругать подчиненного в присутствии редактора показалось ей неразумным.

– Клиентка? – оживилась Катерина. – Отлично. Вы с ней поболтаете, а я вставлю кусок беседы в материал, это очень украсит статью.

Нора посмотрела на журналистку.

– Наверяд ли посетительница пожелает откровенничать при постороннем человеке.

– Я своя! – закричала Катерина. – Скажите, что работаю у вас детективом.

Элеонора прищурилась:

– Нет, подобное невозможно.

– Но я хочу поместить в материале отрывок из вашего с ней разговора, – капризно заявила Катерина.

– Придумайте что-нибудь, – не сдалась Нора, – сочините!

– Вы предлагаете мне, журналистке, солгать! – опешила Катерина. – Это откровенное оскорбление. Значит, так, либо я слушаю вашу беседу с клиенткой, либо никаких публикаций!

Нора покраснела красными пятнами, я постарался стать незаметным, что с моим двухметровым ростом очень даже непросто.

– Хорошо, – внезапно сказала Элеонора, – поступим так. Иван Павлович приведет девушку, я задам ей пару вопросов, вы получите представление о работе детектива, но потом, когда клиентка начнет излагать суть дела, мы ее остановим, отправим в столовую и завершим интервью. Ладно?

– Угу, – кивнула Катерина.

Глава 2

– Как вас зовут? – спросила Нора, когда девочка села в кресло.

– Сонечка, – тихо ответила та.

Элеонора кивнула.

– А фамилия?

Обычно хозяйка не ведет себя подобным образом, но сегодня она решила убить одновременно несколько зайцев: и Катерине угодить, и клиентку не потерять, и не позволить журналистке засунуть любопытный нос глубоко в чужие тайны.

– Умер, – в ответ сказала девочка и опустила глаза.

Повисла напряженнейшая тишина, потом Нора с несвойственным ей сочувствием поинтересовалась:

– Кто?

– Что? – заморгала Соня.

– Умер? – спросила Нора.

– Я, – ответила девочка.

Элеонора бросила на меня красноречивый взгляд и повторила свой вопрос:

– Кто умер?

– Я, – вновь прозвучало в ответ, – Соня Умер!

Нора выразительно кашлянула, я машинально посмотрел на телефонный аппарат, вернее, на пустую базу – радиотрубка, естественно, валяется в недрах многокомнатной квартиры. Звук, который издала сейчас хозяйка, означает, что мне следует немедленно позвонить в службу под названием «Реальная помощь». Увы, в нашем городе много психически нестабильных людей. После того как к нам заявила тетка, потребовавшая отыскать мужика, соблазвившего ее дочь, императрицу Екатерину Вторую, и впадшая в буйство после осторожного отказа Норы, хозяйка договорилась с медиками, оплатила абонементное обслуживание, и в случае необходимости к нам моментально выезжает специальная бригада.

Сталкиваясь с психами, мы хорошо знаем: спорить с больным человеком нельзя, следует прикинуться, что вы верите его рассказам, соглашаться с ним и просто ждать врачей. Попробуйте образумить несчастного, и последствия могут стать печальными.

Психопаты неадекватно реагируют на разумные слова, а еще у них в момент агрессии просыпается редкостная физическая сила.

– Умер, – тихо повторила Соня.

Мне внезапно стало до слез жаль девочку. Представляете ее будущую жизнь? Уколы, от которых она потолстеет, подурнеет и окончательно отупеет, существование в крепко-накрепко запертой палате. Но еще более жаль ее родителей. Быть психически нестабильным человеком ужасно, еще хуже, однако, находиться в статусе родственника такого больного.

Нора еще раз кашлянула, я начал медленно подниматься из кресла.

– Умер, – вновь произнесла Соня и глянула на меня своими голубыми, похожими на только что распутившиеся васильки глазами.

– Пойду попрошу приготовить нам кофе, – бойко заявил я.

– Да, – спокойно кивнула Нора, – ступайте, Иван Павлович, велите прислуге подать его в столовую.

Я кивнул. Элеонора молодец, даже в трудную минуту не забывает о делах, вот и сейчас разговаривает таким образом, что у Катерины создается впечатление: детективное агентство процветает, тут полно служащих, просто они замечательно вышколены и не попадают на глаза ни посетителям, ни хозяевам.

– Деточка, – вдруг резким голосом заявила Катерина, – что за глупости вы несете? Кто умер? Говорите четко и ясно. Для начала представьтесь.

– Соня Умер, – покорно сказала больная.

– Опять за свое, – всплеснула руками журналистка, – если бы ты откинула копыта, то лежала бы тихо, в деревянном гробике, сообразила? Раз сидишь тут, то ты жива. Ну-ка, сделай еще одну попытку! Ты Соня... назови свою фамилию, но без идиотизма.

Я замер, не успев сделать ни шага к двери, Нора побагровела, и тут на лице девочки отразилась досада, живо сменившаяся улыбкой.

– Боже, – воскликнула она, – вы и представить не можете, как мне это надоело! Моя фамилия Умер, вернее, Умёр, ударение падает на «е», но все равно люди говорят Умер. Я уже сама начала так представляться. Куда ни приду, меня сначала за сумасшедшую принимают, покажешь паспорт – хихикают. А сколько идиотских ситуаций случается! Недавно сидела в очереди в ОВИРе, получала загранпаспорт. Открывается дверь, высовывается чиновница и кричит: «Кто Умер?» Люди в шоке, потом впадают в истерию, потому что я спокойно отвечаю: «Это я!»

После такого заявления около меня все стулья опустели.

– Вас зовут Соня Умер, – протянула Нора. – Извините, конечно, за нескромный вопрос, но почему вы не меняете фамилию?

– По какой причине я должна отказаться от фамилии своего деда, отца и прочих родственников? – сердито ответила девочка. – У нас дома имелось генеалогическое древо, поверьте, среди моих предков были только достойные люди, честно служившие России.

Я мысленно заплотировал. Ай да Сонечка, мало кому удавалось смутить Нору, а моя хозяйка сейчас, похоже, не знает, как себя вести.

– Если мы разобрались с фамилией, – спокойно продолжала школьница, – то, очевидно, пора перейти непосредственно к делу.

– Вас не смущает откровенный разговор при большом скоплении народа? – спросила Нора.

– Тут лишь свои, – нагло перебила ее Катерина.

Сонечка пожала плечами:

– В моей жизни нет страшных тайн, я обычный человек.

Я мягко улыбнулся. Девочка способна к адекватной самооценке. Редкое качество для подростка и абсолютно уникальное для женщины. Когда Соня вырастет, она превратится в умную особу и...

– Я собралась ехать отдыхать, – продолжала тем временем Соня, – не куда-нибудь там в Эмираты или Испанию, а в наш Крым. Вернее, он теперь, конечно, не наш, а украинский. Заграница! Прямо смешно! Я бы с удовольствием похихикала над ситуацией, если б она не развивалась самым печальным образом. Понимаете, несовершеннолетнему ребенку нельзя пересечь границу без разрешения. Если мать одна везет чадо, ей необходимо разрешение от отца, официально заверенное, с печатью.

Нора откинулась на спинку кресла, я улыбнулся еще шире.

– Сонечка, вы ошиблись адресом. «Ниро» не нотариальная контора, а детективное агентство. Мы никак не можем помочь вам в данной ситуации. Впрочем, у нас есть знакомый нотариус, Светлана Макарова, могу позвонить ей, и вы будете избавлены от томительного сидения в очереди. Но потребуются непременно присутствие вашего папеньки.

– Мой отец умер, – сообщила Соня.

– Ясное дело, Умер, – подхватил я, – но он обязан прийти, потому что у нотариуса потребуется поставить подпись.

– Вы не поняли, – фыркнула девочка, – умер не в смысле фамилии, а в физическом плане, он скончался через пару лет после моего рождения.

Второй раз за последний час я ощутил себя полнейшим идиотом и пробормотал:

– Извините, право, я не хотел!

Сонечка кивнула:

– Не стоит извиняться, откуда вам знать о кончине Антона Евгеньевича. Кстати, я его не помню, дома висят фотографии, но особых эмоций они, увы, у меня не вызывают.

– Тогда я не пойму, в чем проблема! – воскликнула Нора.

– В пересечении границы, – терпеливо повторила девочка, – необходимо разрешение от отца.

– Одна моя подружка, – противно захихикала Катерина, – попала в ту же ситуацию: хотела на море скататься. А ее бывший, ну такая падла, не пошел разрешение оформлять. Ленка ему позвонила и говорит: так и так, сбегай к нотариусу, а муженек и заявил: «Хвасталась, что без меня проживешь? Вот и флаг тебе в руки, уезжай на курорт как хочешь!»

– Крайне неблагородный поступок! – возмутился я.

– Да сука он! – запальчиво воскликнула Катерина.

– И каким образом эта Лена выкрутилась? – вдруг заинтересованно спросила Сонечка.

Катерина усмехнулась:

– А, ерунда! Дала в загсе взятку, и ей сотрудница выписала свидетельство о смерти бывшего мужа. Теперь она показывает его пограничникам, и те берут под козырек. Поэтому в вашем случае все просто: мама продемонстрирует документ – и полная свобода.

Сонечка еще шире распахнула голубые глаза.

– Но у меня нет подобной бумаги.

– Правильно, деточка, – голосом профессиональной учительницы заявила Нора, – естественно, необходимый документ хранит ваша мама.

– Она тоже умерла, – грустно ответила Соня.

В глазах Норы промелькнула откровенная жалость.

– А с кем ты живешь?

– С сыном.

– С сыном своей мамы? – уточнила Элеонора. – Со старшим братом? На границе у вас не будет задержки, юноша должен взять документы, подтверждающие смерть родителей, и ваши свидетельства о рождении. Думаю, это все. Хотя лучше проконсультироваться у специалиста. Сейчас Иван Павлович позвонит Анне Сергеевне Рединой, она давно занимается отправкой детей за границу, как на отдых, так и на лечение. Анна полностью прояснит ситуацию, и ты спокойно пойдешь домой.

– Но...

– Нет, нет, – не дала договорить девочке Нора, – никаких денег ты нам не должна.

– Боюсь, вы неправильно меня поняли, – потупила взор Сонечка. – Я иногда веду себя совершенно по-идиотски, и люди составляют неверное представление о ситуации.

– Деточка, – пропела Нора, – ты молодец, мы поняли твою проблему и...

– Да нет же, – махнула тонкой рукой Соня, – у меня нет родственников, братьев в том числе.

Я глянул на Нору, может, все же позвонить докторам? Ей-богу, странный разговор получается.

– Но только что ты говорила о сыне своей мамы, – парировала Нора, – впрочем, может, ты не считаешь его братом?

– Я сообщила о сыне, – с легким раздражением напомнила Соня, – но ничего не говорила о маме. Это мой сын.

– Твой? – подпрыгнула Катерина. – И сколько ему лет?

– Пять.

– Ну и ну, в каком же возрасте ты его родила, в детсадовском, что ли? – ляпнула Нора. – Сколько тебе самой лет?

Сонечка тяжело вздохнула:

– Больше двадцати и меньше тридцати.

– Сколько? – хором спросили дамы.

– Я не люблю уточнять цифры, вам необходим год, указанный в паспорте? – слегка покраснела посетительница. – Надеюсь, вы не потребуете документ? Хотя я уже привыкла носить его с собой. Представляете, вчера мне в супермаркете отказались продать сигареты.

– На месте продавщицы я поступил бы точно так же, – заявил я, – вы выглядите школьницей, простите, если обидел.

Соня звонко рассмеялась:

– И какого класса?

– Максимум восьмого.

– Спасибо, очень милый комплимент, – окончательно развеселилась посетительница. – Давайте начнем беседу сначала, я сама виновата, запутала всех. Итак, меня зовут Соня Умер. Будучи молодой и глупой, я выскочила ненадолго замуж за Андрея Вяльцева, думаю, вы не раз слышали его имя.

– Это тот Вяльцев? – вытаращила глаза Катерина.

– Верно, – кивнула Сонечка, – он самый.

– Прикол! – взвизгнула Катерина. – Но постойте! Чую здесь сенсацию! Вяльцев во всех интервью утверждает, что никогда не менял статус холостяка.

– Кто такой Вяльцев? – рявкнула Нора.

Катерина заломила руки.

– Вы не знаете?

– Нет, – хором ответили мы с Норой.

– Вы ископаемые, – закатила глаза Катерина, – доисторические чудовища! Только не говорите, что не видели ни одной серии фильма «Моя ужасная леди»².

– Очень редко смотрю телевизор, – призналась Нора.

Я закивал головой.

– Увы, я тоже не часто включаю голубой экран, не из снобизма, а из-за отсутствия свободного времени.

– Вау! – подпрыгнула в кресле журналистка. – Но о чем тогда вы беседуете на тусовках? Сейчас все обсуждают Вяльцева, а еще на него идет охота! Только представьте: молодой, холостой, обеспеченный, красавец. Настоящий мачо, рост, внешность, блондин, глаза, руки, рот! Ах!

– С ростом у Андрея беда, – фыркнула Сонечка. – Присмотритесь повнимательней, ваш супермачо всегда носит ботинки на толстой подметке, и он красит волосы, на самом деле они у него серые, как у мыши, и выются в результате химии!

– Золотко, – нежно пропела Катерина, – а вы ничего не путаете? Может, ваш бывший муженек просто полный тезка того Вяльцева?

– Я похожа на сумасшедшую? – разозлилась Соня.

– Нет, конечно, – быстро сказала Нора. – Значит, некоторое время вы жили вместе с кумиром миллионов российских женщин?

– Ну, когда мы встретились, он был никому не известный парень, – пояснила Соня. – Если прекратите меня перебивать, я сумею наконец внести ясность.

– Слушаю внимательно, – кивнула Нора.

² На момент написания рукописи сериала с подобным названием не существовало. Любые совпадения случайны.

Сонечка Умер коренная москвичка. Почему ее далекие предки обзавелись такой фамилией, она не знает, но дома, на стене, висит изображение генеалогического древа, и Соня может назвать своего прапрапрадеда, служившего верой и правдой еще Петру Первому. Все мужчины в роде Умер были военными, а их жены занимались домашним хозяйством. Родители Сони продолжили семейную традицию, папа дослужился до полковника, правда, в гарнизоне он никогда не бывал, преподавал математику в одной из военных академий, а мама самозабвенно пекла пироги. Кстати, мать Сони, Тильда Генриховна Бонс, происходила из более древнего рода, чем ее муж Антон Евгеньевич Умер. У Бонс имелась древняя семейная Библия, где разными почерками были записаны даты рождения детей. Самая первая датировалась седьмым июня тысяча пятьсот сорок четвертого года, если перевести ее на современный язык, то немецкий текст: «Хвала Господу, пославшему мне здорового сына Генриха. Теодор Бонс». Имена Генрих и Теодор стали у Бонсов повторяться, а девочек чаще всего называли Тильда или Брунгильда.

Когда на свет появилась Соня, Тильда решила, как и предписывала семейная традиция, записать дочь Брунгильдой, но наткнулась на категоричное «нет» супруга.

– Ты с ума сошла! – раскричался Антон. – Как бедной девочке потом жить?

– Я великолепно чувствую себя Тильдой, – возразила жена, – следует хранить традиции. Мы, Бонсы...

– Моя дочь станет Умер, – перебил супругу Антон, – а у нас иные привычки. Девочка будет Софьей в честь моей матери.

Тильда испугалась не на шутку.

– Хорошо, – согласилась она, – пусть не Брунгильда, но и не Софья! Лучше Анна или, если хочешь, Евгения, в честь свекра.

– Софья, – решил настоять на своем муж, – это мое любимое имя.

– Милый, – взмолилась Тильда, – что угодно, но не Соня.

– Не знал, что ты так ненавидела свою свекровь, – каменным тоном процедил Антон. – Да и что она тебе плохого сделала? Мама умерла еще до нашей свадьбы.

– Все дело в ее смерти, – попыталась донести до Антона свой страх Тильда, – говорят, дети, названные в честь родственников, непременно повторяют их судьбу. А несчастная Софья Михайловна умерла в возрасте двадцати семи лет, ты рос сиротой. Разве хорошо называть дочку в честь человека трагичной судьбы?

Антон побелел.

– Маму убил грабитель, залез на дачу, хотел пожить деньгами, открыл у отца в кабинете бюро, и тут Софья Михайловна проснулась. На грех, она решила посмотреть, откуда доносится шум, и пошла вниз. Негодяю ничего не оставалось, как попытаться скрыться, но испуганная хозяйка начала звать на помощь, тогда вор ударил мать табуреткой по голове. Мерзавца не поймали, Софья Михайловна скончалась. Так ли обстояли дела на даче в ту роковую ночь, неизвестно, но следствие попыталось реконструировать картину и пришло к выводу: Софья погибла вследствие разбойного нападения.

– Вот видишь! – в ужасе воскликнула Тильда. – Лучше дадим дочери имя Анна.

– Хорошо, – внезапно согласился Антон, – но тогда ты будешь воспитывать ребенка одна, я уйду прочь из дома...

– Суровый у вас был папенька, – не выдержал я.

Сонечка развела руками.

– Да, похоже, характер у него был нелегким. Мама побоялась спорить с мужем, но покорность не принесла ей счастья. Антон Евгеньевич довольно скоро скончался. Мамочка один раз, потеряв самообладание, воскликнула: «Надо было все же назвать тебя Анной. Антон все равно ушел, я одна с тобой мучаюсь. Ну осталась бы ты без отца сразу, а не потеряла его в три года, зато сейчас я не дрожала бы от страха».

Мама боялась, что я повторю судьбу Софьи Михайловны, меня убьют в двадцать семь лет. Она часто повторяла: «Вот справишь двадцативосьмилетие – и живи спокойно, а до этого соблюдай крайнюю осторожность. Помни, ты под прицелом судьбы».

– У некоторых баб начисто отсутствует разум, – взвилась Нора, – внушать ребенку такую чушь!

– Элеонора не хотела вас обидеть, – живо вступил я в разговор, – но позиция вашей мамы очень странная.

Соня сложила руки на коленях.

– В детстве я действительно жутко боялась грабителей, отказывалась одна ночевать дома, потом поняла – у мамы фобия, не следует придавать ей значение. Кстати, мне завтра исполнится двадцать восемь, я жива и здорова, следовательно, мама ошиблась. Понимаете теперь, почему я не люблю уточнять дату своего рождения?

– Еще не вечер, – каркнула Катерина.

Я испытал редкое для себя желание стукнуть журналистку по голове толстенным томом «Речи великих русских адвокатов», который лежал у Норы на краю стола.

Сонечка весело рассмеялась:

– Однако! Спасибо за напоминание. У мамы, кстати, имелась еще одна идея фикс, и она тоже оказалась ложной.

Глава 3

– Какая? – быстро спросила Нора.

Соня поежилась.

– Могу представить вашему вниманию вторую семейную легенду. Прапрабабушка Брунгильда, входя в кондитерскую лавку, случайно столкнулась с офицером, любовь возникла сразу, они поженились и жили счастливо пятьдесят лет. Ее дочь Тильда повстречалась со своим мужем на улице, уронила перчатку, а Вильгельм ее поднял. Результат – свадьба и долгие совместные годы жизни. Бабушка Брунгильда нашла мужа у подруги дома, к которой заехала из-за внезапно начавшегося дождя. Константин был в Москве проездом на один день, и, ясное дело, все опять закончилось маршем Мендельсона. Моя мама тоже ненароком познакомилась с папой и ежедневно повторяла: «Сонечка, в нашей семье женщины высказывают замуж абсолютно спонтанно, и ты так найдешь мужа».

Самое интересное, что Тильда оказалась права.

Как-то раз Сонечка поехала на Ленинградский вокзал. Ее ближайшая подруга Олеся Реутова собралась посетить Северную столицу, там ее ждал любимый человек. Реутова хотела убежать пораньше с работы, но ее непустили, и тогда Олеся позвонила Соне и взмолилась:

– Будь добра, съезди, купи мне билет.

Сонечке страшно не хотелось катить на Комсомольскую площадь. Во-первых, она терпеть не могла это слишком суетное место, во-вторых, в кассу придется отстоять очередь, в-третьих, у Сони были совсем другие планы на вечер, но Олеся так ее умоляла, что Софья уныло сказала:

– Ну ладно.

– Ты лучшая подруга на свете, – заявила Реутова и швырнула трубку.

Пришлось оправдывать свое звание и ехать к трем вокзалам. Действительность оказалась хуже предполагаемой. Для начала пьяный бомж чуть не вырвал у Сони сумочку, в которой лежал добытый после томительного кукования в очереди у кассы билет, затем Соня поскользнулась, упала и разорвала колготки; не успела она встать, как снова оказалась на грязном асфальте: какой-то парень толкнул ее здоровенным чемоданом.

– Идиот, – заорала всегда вежливая Соня, – чтоб тебе ногу сломать!

Неожиданно юноша обернулся.

– Вы что-то сказали? – растерянно спросил он.

– Да, – совсем обозлилась Соня, – похвалила от души.

– Меня?

– Верно.

– За что? – хлопал глазами провинциал.

– За ловкость и вежливость, – язвительно ответила Соня. – Стукнул девушку чемоданом и дальше побежал. Надо же, еще и сумочка испачкалась.

Недотепа кинулся к Соне, бросив свой уродливый саквояж.

– Простите, – затараторил он, – это случайно получилось, я не хотел. Растерялся. Не знаю, куда идти! Столько народа!

Сонечка скорчила гримасу. Все понятно, неуклюжий хам из какого-то Задрипанска! Увидел столицу и ошалел, ну сейчас она, Соня, ему все скажет!

Соня набрала полную грудь воздуха, и тут юноша наклонился, протянул руку, и она увидела его глаза, темно-карие, бездонные.

– Извините, – красивым баритоном продолжал незнакомец, – скажите, где у вас продают сумки. Куплю вам новую взамен испорченной.

– Как тебя зовут? – прошептала Соня, внезапно поняв, что все рассказы мамы про внезапную любовь правда.

– Андрей Вяльцев, – смутился приезжий.

– А я Соня, – представилась девушка, – вот и познакомились.

– Ты не сердись! – обрадовался Андрей.

– Нет, и даже предлагаю пойти в кафе, отметить встречу, – ответила Соня, изумленная собственной смелостью.

До сих пор ей не приходило в голову приглашать кавалеров на чашку кофе.

– Ой, здорово, – обрадовался Андрей, – только ты сама покажи, где лучше. Я в Москве впервые.

– Бери чемодан, – распорядилась Соня, – ты зачем в столицу приехал?

– Поступать в театральный, – ответил Вяльцев, – подам документы, мне общежитие дадут. Ой, а где багаж?

Соня оглядела пустой тротуар.

– Украли, – констатировала она.

– Кто? – растерянно спросил Андрей.

Соня лишь махнула рукой: похоже, Вяльцев наивен сверх всякой меры.

– Документы где? – поинтересовалась девушка.

Андрей хлопнул себя по пиджаку:

– Во внутреннем кармане, булавкой пришпилены, и деньги там. Как же я без вещей?

– Ерунда, – мотнула головой Соня, – поехали ко мне, попьем чаю и составим план действий.

Может, кому-то это покажется странным, но Тильда с радостью приняла абсолютно незнакомого человека. Пока Андрей мыл руки в ванной, мать сказала дочери:

– Сонюшка, вот она, твоя судьба! Вы познакомились случайно, на улице, как все наши родственницы!

Соня засмеялась:

– Мама, не строй планы! Я просто решила помочь человеку.

– Ну-ну, – закивала Тильда, – молчу!

Наверное, Андрей был талантлив, потому что его приняли в престижное учреждение, откуда вышло много известных актеров. Вяльцев получил общежитие, но каждый день ходил в гости к Сонечке, ел обеды, приготовленные хозяйственной Тильдой, брал у приятельницы в долг и частенько забывал отдавать мелкие суммы. Соня о займах не напоминала, она понимала, что на стипендию прожить невозможно, а родственников, способных помочь ему материально, Андрей не имел. Он вообще очень неохотно говорил о своей семье, и у Сони создалось впечатление, что Вяльцев стыдится отца и матери, он ни разу не назвал их по имени.

Андрей очень нравился Соне, и ей было все равно, из какой среды он происходит. Тильда считала Вяльцева зятем и встречала его на пороге с поцелуями.

Потом Соня забеременела и сообщила о случившемся Андрею. Тот опешил, но проявил себя с лучшей стороны.

– Ребенок должен родиться в браке, – задумчиво сказал он, – пошли распишемся.

– Прямо сейчас? – изумилась Соня.

– Можно завтра, – кивнул Вяльцев.

– Но сразу не получится, в загсе дают срок на обдумывание, – пояснила она.

– Положись на меня, – выпрямился Андрей, – значит, завтра!

Соня пересказала разговор маме.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Тильда.

– Я хочу белое платье, фату и праздник, – уперлась Соня.

– Дурочка, – ласково сказала практичная Тильда, – ты станешь быстро толстеть, раздашься в боках, по лицу пятна пойдут. Косметику придется отменить, красивое платье не

надеть. Вдруг Андрей передумает? Надо ковать железо, пока горячо. Он хочет завтра идти в загс? Обещает договориться с тамошними сотрудницами? Не кривляйся и не отказывайся.

– А белое платье? – упорно повторяла Соня.

– На первую годовщину наденешь, – пообещала Тильда, – закатим пир, позовем друзей. Послушай меня, дочка!

Мама всегда была для Сони авторитетом, поэтому девушка послушно отправилась с Андреем в загс и в мгновение ока стала супругой Вяльцева.

Месяцы в ожидании ребенка прошли тихо. Соня в основном сидела дома, ее мучил токсикоз, Андрей же внезапно получил роль в сериале «Ветер»³ и пропадал на съемках. Потом на свет появился Марк.

Андрей сразу укатил на съемки. «Ветер» показали по телевизору, и Вяльцев в одночасье стал популярным. Сонечка упустила момент превращения мужа в звезду, ее голова была занята Марком. Дел хватало, от супруга помощи ждать не приходилось. Андрей, правда, исправно давал деньги, но оставался дома от силы три дня в месяц. Сонечка чувствовала себя монахиней, к ней никто не приходил, кроме Олеси. Никакие друзья мужа к ним в гости не заглядывали.

Как-то раз Соня, уложив спать Марка, включила телевизор и увидела собственного мужа. Андрей был одет в незнакомую ярко-синюю рубашку и казался очень веселым. Вопросы ведущая задавала самые простые, потом из зала стали высказывать фанатки и протягивать своему кумиру букеты, плюшевые игрушки. Неожиданно Соня ощутила укол зависти, похоже, у мужа веселая жизнь, а она никуда не выходит, только в магазин. Сегодня среда, а последний раз муж звонил ей в понедельник, жаловался на крайне напряженный график съемок, но ведь нашел время для участия в шоу. Противная, болтливая ведущая постоянно напоминала:

– Мы в прямом эфире.

Зависть перешла в злость. Вот, значит, как! Андрей запер жену, никуда с ней не ходит. Может, Вяльцев стыдится Сони? Она хотела выключить телевизор, но тут вдруг Андрею задали вопрос.

– Как жена относится к вашей славе?

Сонечка замерла, вот сейчас Вяльцев похвалит ее, вспомнит Тильду, обожавшую его, расскажет о Марке... Но супруг с наивным недоумением переспросил:

– Кто? Моя жена?

– Да, – закивала ведущая, – говорят, вы ее прячете!

Андрей звонко рассмеялся:

– Конечно. За семью замками. Я не состою в браке.

Соня прижала руки к груди, у нее отчаянно заколотилось сердце.

– Правда? – с легким недоверием обратилась к гостю хозяйка студии.

– Я еще слишком молод, – пояснил Андрей, – и пока не встретил ту самую, единственную.

– У нас иные сведения!

– Какие? – напрягся Вяльцев.

– Одна маленькая птичка, – погрозила пальцем ведущая, – принесла на хвосте новость: Андрей Вяльцев связан узами брака с некой Софьей, и у пары не так давно родился сын.

– Ах это, – скорчил гримасу Андрей. – Ладно, придется объяснить. Я ведь не москвич, приехал из глубинки. В общепитии невозможно ни учить роль, ни отдыхать, условия ужасные. Вот я и нашел выход. Одна милая дама, коренная москвичка, предложила мне, так сказать, бартерную сделку. Ее дочь, юная, но весьма неразборчивая в связях особа, забеременела от неизвестного кавалера. Я должен был жениться на глупышке, покрыть, так сказать, грех. А за это получу московскую прописку и право жить в одной из комнат в их квартире. Правда, не бесплатно.

³ В момент написания рукописи фильма с подобным названием не имелось. Любые совпадения случайны.

Мне предложение показалось заманчивым, и мы ударили по рукам. Да. По документам я женат, но фактически холост, давно не встречаюсь с супругой.

– Знакомая история, – закивала ведущая, – не вы первый пошли по такому пути.

Андрей развел руками.

– Может, это и не слишком нравственно, но кому от такой ситуации плохо? Девушка избежала позора, я обрел статус москвича. Кстати, получив гонорар за «Ветер», я купил квартиру, там заканчивается ремонт. К лету вновь стану холостяком и въеду в новые хоромы. Да вы спросите у любого, с кем Андрей Вяльцев ходит на тусовки, – с девушкой или один. Имей я молодую жену, неужели б не показал ее всему свету?

Зал одобрительно зааплодировал. Соня сидела словно кролик, загипнотизированный удавом.

Когда через неделю Андрей приехал домой и преспокойно сел обедать, она язвительно спросила:

– Где плата?

– За что? – не понял супруг.

– Пора отдавать долг за комнату, – ринулась в бой Соня. – Извини, забыла, какую я тебе цену назначила?

– Ты заболела? – осведомился Андрей. – Иди ляг, я побуду с малышом.

– Зачем тебе плод чужого греха? – не успокаивалась Соня.

Вяльцев бросил в тарелку ложку, брызги супа фонтаном взметнулись вверх и жирными каплями осели на скатерти.

– Жилыцу следует соблюдать элементарные правила приличия, – топнула ногой Соня.

– Ты смотрела программу, – догадался Андрей.

– Именно так!

– Послушай, это же телевидение! Никто с экрана не говорит правду! Все врут! На то оно и зрелище, дешевый спектакль.

И тут Соню охватила невероятная обида.

– Вовсе не так, – закричала она, – посмотри журналы, там постоянно фото публикуют, звезда в кругу семьи. А ты! Как только додумался!

Андрей облокотился о стол.

– Попробуй меня понять. Мое амплуа – герой-любовник.

– И что?

– Публика должна почувствовать страсть к человеку на экране, только тогда фильм соберет кассу, а актера позовут в следующий проект.

– И что? – тупо повторяла Соня. – И что?

– Представь, выйдет зрительница Нюра из кинотеатра, – объяснил Андрей, – пошлепает домой по грязи. Сначала метро, потом автобус, затем пехом через пустырь, доберется до квартиры. В квартире пять дверей, за четырьмя соседки, у них мужья-пьяницы, дети орут, щи на кухне воняют. Завтра Нюре на работу, бананами на рынке торговать, зарплата – копейки, хозяин под юбку лезет. Как ты думаешь, о чем она мечтает?

– Мне плевать на чужие грезы!!!

– Глупышка! Нюра мечтает обо мне. Вернее, о хорошем, добром, холостом Иване из «Ветра» или суровом, но таком положительном Илье из ленты «Негодяй». Нюра в душе надеется на встречу с замечательным парнем, я – воплощение ее надежд. Именно такие женщины и составляют большинство моих поклонниц. Сообразила?

– Нет!

– Я не могу быть женат, – тихо сказал Андрей, – очень хочу денег, славы, новых ролей, работы, а наличие законной супруги и сына снижает интерес к актеру. Сейчас продюсеры взя-

лись раскручивать Вяльцева, мне придумали имидж! Страстный мачо, любимец женщин, этакий д'Артаньян. Ну ни к чему мне семья.

– Пошел на ...! – коротко рубанула Соня. – Катись колбаской, без тебя проживем! Мачо чужой мечты!

– Э, нет, – протянул Андрей, – давай заключим договор. Ты молчишь о нашем браке и о том, что Марк мой сын, а я помогаю тебе материально.

Соня усмехнулась:

– Мне противно будет вспоминать тебя, но журналисты, если захотят, раскопают любую информацию. Сделают запрос – и, пожалуйста, читайте, в каком году Вяльцев женился на дуре Соне. Ты никогда не станешь секс-символом для всей страны, ты герой одного квартала, мачо чужой мечты, я ясно изъяснилась?

– Не волнуйся, – засуетился Андрей, – я сумею избежать ненужной огласки. Никто из моих друзей с тобой не знаком, все думают, что я снимаю комнату у тетки, которая не позволяет приглашать гостей.

– Ты заранее все продумал, – ахнула Соня. – Одного не пойму: зачем я Марка родила?

– Не моя затея была, – заявил муж, – вы с Тильдой все обстряпали, мне лишь сообщили с глупыми улыбками: «Ребеночка ждем!» И куда мне было деваться?

– Мог сказать «нет», – прошептала Соня.

– Ага, – склонил голову муж, – и чего? Ладно ты, мы разобрались бы между собой, но Тильда? Она бы меня мигом вон выставила. И куда идти? На вокзал?

– Значит, сейчас у тебя появился дом? – горько усмехнулась Соня.

– Ну да, – простодушно признался Андрей, – правда, ремонт не до конца закончен, но осталось только полы лаком покрыть.

...Соня замолчала.

– Жесть! – гаркнула Катерина. – Ну, это бомба!

Нора сердито глянула на журналистку.

– Вы забыли о нашем договоре? Никаких материалов, кроме интервью со мной! Без подробностей о клиентке!

– О чем идет речь? – подняла голову Соня. – Какое интервью?

– Ерунда, – быстро отреагировала Катерина, – профессиональные моменты.

– Что вы хотите от нас? – спросила Нора у Сони.

Молодая женщина сцепила пальцы рук.

– Я забыла об Андрее.

– Правильно, – вновь не утерпела Катерина. – А он вам алименты платит?

– Нет, – помотала головой Соня, – мне и не надо. Я хорошо зарабатываю, абсолютно не нуждаюсь, у Марка имеется все необходимое. Я вычеркнула Вяльцева из памяти, убедила себя, что этого человека не существовало, но у Марка в свидетельстве о рождении стоит его имя.

– И что? – нахмурилась Элеонора.

– Мы собрались на море, и нужно разрешение отца на отъезд, – пояснила Соня. – Полный бред брать бумагу у человека, который не узнает в толпе своего ребенка, но таков закон. Мне противно обращаться к Вяльцеву, никаких сил нет ему звонить. Не могли бы вы взять на себя эту миссию?

– Боже, какая ерунда! – воскликнула Нора. – Иван Павлович прямо сейчас отправится к нему и получит документ. Только дайте координаты Вяльцева.

Глава 4

Не успел я спуститься на первый этаж и пройти к двери, как услышал приятный баритон:
– Иван Павлович, здрассти.

Из маленькой комнатки, расположенной у лифта, выглянул паренек в черной форме. Я остановился и кивнул:

– Добрый день, Алексей.

Раньше в нашем подъезде дежурили милые старушки, божьи одуванчики, мирно дремавшие на стульях. Я не понимал, какой толк от престарелых дам. Оказать сопротивление преступнику они не способны. Ну зачем их приняли на работу? Разве что в виде жеста благотворительности? У состарившихся женщин крохотная пенсия, прожить на которую совершенно невозможно, а служба консьержкой приносит ощутимую прибавку к ней: в нашем доме живут обеспеченные люди, которые не скупятся на оплату прислуги. Но несколько месяцев назад положение изменилось: дряхлые тетушки исчезли, их место заняли крепкие юноши в черной форме, с пистолетами в кобурах. Кажется, их трое, но я знаю по имени лишь одного, того, что сейчас со мной поздоровался.

– На улице дождь, а вы без зонта, – вежливо завел разговор Алексей.

– Я на машине, – пояснил я, – не пешком пойду.

– Испортилась погода, – пригорюнился Алексей, – я собирался завтра на природу, и, пожалуйста, ливень.

– Не расстраивайтесь, – сказал я, – авось тучи унесет.

Алексей кивнул. Я счел беседу завершенной и шагнул к двери.

– Простите, Иван Палыч, – тихо сказал охранник.

– Слушаю, дружок.

– Вы вроде человек образованный?

– В некотором роде да, – кивнул я, хотя это вопрос, что считать образованием. Я имею диплом Литературного института и легко могу рассказать вам ну, допустим, о символистах или таком малоизвестном ныне поэте, как Буало. Только какой толк от этих знаний, если я останусь один на один с пробитым колесом? Мне ни за что не сменить баллон, я непременно погибну в лесу от холода и голода, не сумею ни зверя убить, ни огня развести. Нельзя все знать и уметь. Человеку, который кичится своим высшим образованием, хорошо бы помнить сию простую истину!

Алексей кашлянул.

– Оно, конечно, правильно. Только... понимаете... у меня небольшая... проблемка...

– Говорите смелей, помогу, если сумею!

– Я кроссворды разгадываю, – смущенно сообщил охранник, – хобби такое.

– Хорошее занятие, – похвалил я парня, – развивает интеллект.

– Я в этом деле профи, – похвастался Алексей, – получил кучу призов.

– Да ну?

– Даже стиральную машину для матери отхватил, – засмеялся секьюрити, – а сейчас застопорился, прямо замучился, не понимаю, о чем речь. Кстати, за этот кроссворд мотоцикл получить можно. Сделайте одолжение, Иван Палыч, помогите, авось вы сообразите.

– Я не мастак в кроссвордах, но могу попытаться, читайте вопрос.

– Средство для закапывания.

Пару секунд я стоял молча. На мой взгляд, игра в слова не имеет никакого отношения к уму и образованию, скорее уж человек, забавляющийся вписыванием букв в клеточки, должен обладать хорошей памятью. Средство для закапывания?

Алексей с надеждой смотрел на меня, и тут я сообразил, что имел в виду составитель головоломки.

– Это же лопата!

– Ну спасибо, такое простое слово мне в голову не пришло, – обрадовался охранник и нырнул в каморку.

Сев в машину, я набрал номер телефона, который нацарапала на бумажке Соня. Трубку взяли сразу.

– Алло, – нервно воскликнул мужской голос, – говорите живой.

– Можно Андрея Вяльцева?

– По поводу интервью обращайтесь к пресс-секретарю, – гаркнули из телефона, и раздались частые гудки.

Я покачал головой и повторил попытку, на этот раз человек с той стороны провода был еще конкретнее.

– Что надо?

– Андрея Вяльцева.

– Дергайте Николая Рагозина, он беседует с журналистами, – буркнули в ответ, и снова трубка противно запищала.

Глубоко вздохнув, я потыкал в кнопки и быстро проговорил:

– Добрый день, вас беспокоит продюсерский центр Джона Кеннеди. Мы имеем деловое предложение к Андрею Вяльцеву – съемки в блокбастере. С кем возможно побеседовать?

– Слушаю вас, – подобострастно ответил растерявший всю грубость хам.

– По телефону затруднительно проводить переговоры, – замурлыкал я, старательно изображая человека из мира кино. – Желательно поболтать, так сказать, фэйс ту фэйс.

– У меня съемка в восемнадцать, – ответил Вяльцев, – если согласитесь приехать немедленно, то сумеем пообщаться сегодня.

– Готов прибыть по любому адресу.

– Записывайте, – оживился Вяльцев.

Здание, в котором обитал актер, выглядело шикарнее дома Норы, подъезд был выложен мрамором, к лифту вела ковровая дорожка, и повсюду стояли кадки с пальмами.

– Вы к кому? – строго спросил охранник.

– В сто пятую квартиру, – мирно ответил я: зачем обижаться на службу безопасности, она выполняет свои обязанности.

– Секундочку, – придержал меня секьюрити, потом быстро набрал номер и осведомился:

– Дежурный беспокоит, ждете гостей? Простите, как вас зовут?

Последний вопрос относился ко мне.

– Джон Кеннеди, – с самым честным лицом соврал я.

– Джон Кеннеди, – эхом повторил парень, – есть, конечно, проходите.

Я кивнул бдительному юноше и вошел в лифт, отделанный изнутри деревом. Тихо шурша, кабина вознесла меня на двадцать восьмой этаж. Чем выше забирался подъемник, тем сильнее у меня на душе скребли кошки. Стыдно признаться, но я боюсь высоты и меньше всего хотел бы жить в пентхаусе на крыше небоскреба. Интересно, почему квартиры, расположенные почти под облаками, стоят, простите за каламбур, заоблачные деньги? На мой взгляд, самым дорогим должен быть первый этаж, к земле поближе, в случае непредвиденных обстоятельств, да хоть при пожаре, можно легко выскочить.

Продолжая размышлять на тему цены апартаментов, я дошел до роскошной дубовой двери и ткнул пальцем в звонок. Створка распахнулась, и передо мной возник весьма симпатичный блондин, похожий на фото из журнала «Счастье». Накачанное тело покрывал ровный загар, светлые волосы в художественном беспорядке окружали лицо, большие темно-карие

глаза, крупный рот и широкие брови дополняли образ, о котором грезили тысячи идиотов. Я невольно вспомнил меткое определение, вылетевшее из уст Сони: мачо чужой мечты.

Поймите меня правильно, я не имею ничего против мужчин физически крепких. Но думается, что мускулы и загар должны появляться на теле естественным путем. Моряк, нефтяник, строитель, путешественник не вызывают у меня никаких эмоций, кроме положительных. Бицепсы и трицепсы у таких людей свидетельствуют о недюжинной силе, а загар говорит о том, что парни много времени проводят на воздухе. Но Вяльцев явно «потемнел» в солярии и рельеф мышц приобрел в фитнес-клубе, абсолютно идиотском, на мой взгляд, месте. Ну какой смысл наращивать массу тела, просто двигая железки. Зачем? Вы собираетесь побеждать на соревнованиях или решили освоить работу грузчика? Если нет, то к чему бугры на руках и спине? И еще, Андрей явно красил волосы, хотя для артиста это вполне естественно.

– Добрый день, – поздоровался я, пытаюсь побороть неприязнь к красавчику.

– Джон Кеннеди? – прищурился хозяин.

Я кивнул.

– Вы не похожи на американца, – с подозрением отметил Вяльцев.

– Разве я представился гражданином США?

– Нет, – усмехнулся Андрей и сделал шаг назад, – но, когда слышишь имя Джон, да еще в сочетании с фамилией Кеннеди, невольно приходит на ум Америка. Проходите, думаю, в гостиной нам будет удобно.

Резко оборвав фразу, хозяин повернулся и двинулся по коридору, я поспешил за ним, ощущая, как легкая неприязнь трансформируется в несвойственную мне злобу. Да этот Вяльцев просто хлыщ. Интересно, почему женщины падают штабелями к его ногам?

Андрей спокойно шел в глубь квартиры, на заднем кармане его джинсов сверкала выложенная стразами надпись «boy». На поясе был прицеплен брелок причудливой формы. При каждом шаге Андрея ярко-розовая безделушка в золотом обрамлении подскакивала вверх, потом падала вниз и била мачо по филейной части. Если бы меня при каждом шаге что-то стучало, я мигом бы это оторвал. Но Вяльцеву, похоже, брелок нравился. Вот только что он изображает?

Я прищурился, пригляделся и вздрогнул. Пенис. Почти десятисантиметровой длины, выполненный с анатомическими подробностями, а розовый цвет делал аксессуар вообще пугающе натуральным. Меня передернуло. Я вовсе не ханжа, весьма толерантен и спокойно отношусь к футболкам с малоприличными надписями и скабрёзными рисунками. В конце концов, если тебе не нравится чужая одежда, отвернись и не смотри на человека. Но брелок в виде члена! Согласитесь, это уже слишком!

– Устраивайтесь, – проговорил Вяльцев и исчез в комнате.

Борясь с брезгливостью, которую стихийно начал испытывать к актеру, я шагнул в гостиную и невольно вскрикнул.

В первую секунду мне показалось, что я сейчас упаду вниз. Не было пола, стен, потолка, перед глазами расстилалась пустота. Чуть впереди открывалась панорама Москвы, крыши домов и серое дождливое небо.

– Садитесь, – любезно предложил Андрей и поплыл по воздуху к дивану.

Я слотнул слюну и внезапно понял, что пол в комнате зеркальный, потолок тоже, внешняя стена гостиной сплошь из стекла, похоже, помещение оформлял сумасшедший дизайнер.

– Что же вы? – ухмыльнулся Андрей. – Не стесняйтесь.

Я осторожно ступил на сверкающую плитку.

– Ой, – заорал Вяльцев, – падаем! Летим в пропасть.

В мою спину словно воткнули железный прут, я дернулся, прыгнул назад и уцепился пальцами за косяк.

– Прикол, – заржал хозяин, – ну все одинаково реагируют. Лешка Панков чуть не описался, правда, он пьяный приехал. Ха-ха! Да не рушится ничего, просто эффект такой. Стебно?

– Очень, – хмуро согласился я.

– Ни у кого такой гостиной нет, – радовался Вяльцев, – у нас с дизайнером договор подписан: данный интерьер уникален, он не тиражируется.

– Мало найдется людей, способных отдыхать в такой комнате, – не вытерпел я.

– А я живу в другом месте, – объяснил Андрей, – стану я к себе всяких пускать. Это офис, для журналистов, режиссеров и прочих зверей. Ладно, времени мало, излагайте ваши предложения.

Наверное, следовало еще немного поломать комедию, поприкидываться и постепенно перейти к причине своего визита, но жуткая гостиная действовала на нервы, более всего мне хотелось покинуть ее, поэтому я без экивоков заявил:

– Соня просит вас дать разрешение на поездку Марка в Крым.

Андрей откинулся на подушки, поджал под себя ноги и закивал:

– Понятно, дальше.

– Вы согласны?

– Ну... продолжайте.

– Нам надо отправиться к нотариусу, тут недалеко, я договорился, нас примут без очереди, в обеденный перерыв, посетителей не будет, вас никто не увидит.

– Так, хорошо!

– Это все.

Вяльцев нахмурился:

– Малобюджетное?

– Простите?

– Интеллектуальное?

– Извините?

Андрей схватил со стеклянного столика пачку тонких темно-коричневых сигарет. Забыв предложить гостю закурить, хозяин щелкнул зажигалкой и язвительно сказал:

– Знаете, чем отличается великая интеллектуальная лента, снятая слишком умным режиссером, от сериальчика?

– Нет, – опешил я.

Вяльцев с наслаждением затянулся, выпустил струю сизого дыма и усмехнулся:

– Шедевр станут вымучивать пять лет, потому что постоянно будут заканчиваться бабки. Гонорар актерам дадут копеечный или не заплатят вовсе, кассы лента не сделает, зритель не пойдет на нуднятину. И какие новые истины откроет режиссер? Всё крутится вокруг столба любовь – секс – деньги. Ну еще смерть! Но человеку неохота лишний раз слышать о неминуемой кончине. В интеллектуальное кино артистов заманивают обещанием премий, но только чего-то в Россию с «Оскарами» не возвращаются. Ну получают хрустальную хрень на каком-нибудь местном фестивале в Крыжополе, и кому она нужна? Спасибо, конечно, за оказанную честь, но я в таких соревнованиях не бегаю. Андрей Вяльцев человек простой, он хочет бабла и не стесняется признаться в любви к презренному металлу. Да и зачем презирать деньги? Без них даже самый интеллектуальный режиссер не просуществует, а если он гордо говорит: «Мне ничего не надо», значит, он альфонс, живет на содержании у жены или матери. Могу вам такие имена назвать! Вроде гений, а у своих баб на сигареты клянчит. Да, вот еще чего понять не могу: ну почему фильм «Бриллиантовая рука», идиотская, между прочим, комедия, – это наше все, а сериал про Каменскую – это плохо? Че, в первом случае речь идет о фильме, который заставляет задуматься о смысле жизни, так это чушь! Ерунда!

– Вы решили, что я пересказываю сценарий! – догадался я.

– Разве нет?

– Вам в действительности, так сказать, в реальном времени, надо сейчас поехать со мной к нотариусу.

– Зачем?

– Марку требуется разрешение на поездку в Крым.

– Это кто?

– Марк? Ваш сын.

Вяльцев пожал плечами.

– У меня нет детей.

– Вы забыли? Про мальчика?

– Никогда не имел сыновей, впрочем, дочерей тоже.

– Ваша жена...

– Я не был женат...

– Послушайте же! Давайте побеседуем спокойно! Разрешите представиться, я Иван Павлович Подушкин, начальник следственного отдела агентства «Ниро».

Выпалив последние слова, я на секунду задумался, так ли называется моя должность? Постоянно путаюсь, сообщая о своем служебном положении, да и Нора хороша, то называет меня «заведующий розыскной частью», то именует руководителем «оперативного подразделения». Нам надо, в конце концов, договориться о моем статусе.

Глава 5

Глаза Андрея из круглых стали узкими.

– Не понял, – протянул он, – это че? Новый сценарий?

– Меня зовут Иван Павлович Подушкин, – я терпеливо принялся растолковывать актриске суть дела, – приехал к вам по поручению Сони Умер. Ваша бывшая жена не хочет никаких воспоминаний об Андрее Вяльцеве, вы ей неинтересны, она не бедна, за свое, так сказать, бабло оставайтесь спокойны. Соня не потребует положенной ей по закону части ваших гонораров. От вас ей нужно лишь одно – чисто формальное разрешение на выезд мальчика Марка за границу. Нотариус ждет, дело займет от силы час!

Вяльцев начал резко меняться в лице.

– Значит, вы не Джон Кеннеди, – просипел он в тот момент, когда я перевел дух.

– Каюсь, соврал, но вы не пожелали меня слушать, отправляли к пресс-секретарю, вот и пришлось прибегнуть ко лжи.

– Боже, – заломил руки хозяин, – нет, как просто! Он соврал, а я, идиот, поверил, впустил его в офис, не потребовал документов!

– Сейчас покажу удостоверение.

– Не шевелитесь! – взвизгнул актер. – Не смейте двигаться!

Я пожал плечами.

– Не бойтесь. И в мыслях не держу вас обидеть.

Вяльцев откинул со лба картинно вьющуюся прядь волос.

– Единожды совравши, кто тебе поверит? Ты, смерд, посмевавший пройти в покои, собака врага императора!

Я вздохнул, похоже, герой-любовник произносит текст из какой-то пьесы. Наверное, Вяльцев тоже понял, что начал стихийно исполнять роль, он оборвал речь и нормальным тоном заявил:

– Вы преступник! Конечно, в нашей стране свобода печати, но она не дает права врываться в жилище человека!

– Я не принадлежу к плеяде журналистов, в помещение вы впустили меня сами, и потом, это же офис, – попытался я вразумить Вяльцева.

– Я никогда не ходил в загс, – заорал мачо, – и не собираюсь туда, лучше съем свой паспорт. Детей не заводил, бабу по имени Соня не знаю! Пошел вон, урод!

Я встал, ну это уже слишком. Да, я прибег к тактической хитрости, чтобы побеседовать с Вяльцевым в спокойной обстановке, но не намерен терпеть оскорбления от личности, действующей не только на сцене, но и в жизни. Нужно немедленно поставить зарвавшегося красавчика на место.

– Милостивый государь, – торжественно произнес я, – смею уверить вас...

Конец фразы утонул в грохоте, в гостиную влетели трое охранников.

– Ну наконец-то, – с явным облегчением выдохнул Вяльцев, – жал, жал на пульт, а от вас никаких действий. Я уж решил, что тревожная кнопка не работает.

– Извиняйте, – кашлянул один секьюрити, – мы сразу помчались, лифта долго не было.

– Меня убить могли, пока вы ждали кабину, по лестнице слабо было побежать, жиры растрясти, – взвизгнул Вяльцев. – Возьмите этого типа, вышвырните его вон и никогда более сюда не пускайте. Имейте в виду, он очень хитер. Эй, без грубостей, пакостник-журналист потом понапишет дерьма, синяки зафиксирует. Берем нежно под локотки и выводим его! Осторожно и ласково. Где-то в одежде у него есть камера и записывающее устройство.

Двое парней больно схватили меня за плечи, третий бесцеремонно запустил лапу в карман пиджака, вытащил диктофон и радостно заявил:

– Во! Гляньте!

– Точно, – кивнул Вяльцев. – Эй, пидор вонючий, ты из «Желтухи»? Или «Клубничку» представляешь?

Несмотря на крайнюю грубость обращения, я решил предпринять последнюю попытку добыть для Сонечки нужный документ.

– Я уже говорил вам, что являюсь начальником розыскного отдела детективного агентства «Ниро». К сожалению, я обладаю плохой памятью, поэтому ношу при себе диктофон, но сейчас он выключен, обратите внимание, зеленый огонек не горит. Я не обижал вас, не задавал вопросов, попросил проехать к нотариусу для провокационных...

– Мразь, – завизжал Андрей, соскакивая с дивана, – сволота сучья!

Одним прыжком актеришка подскочил к охраннику, выхватил у него ни в чем не повинный диктофон, швырнул его о пол и, с удовлетворением посмотрев на разлетевшиеся в разные стороны куски пластика, приказал:

– Уволакивайте суку.

– Пройдемте, – достаточно вежливо попросил старший секьюрити.

Пришлось, признав поражение, последовать за юношами в форме. Очутившись в коридоре, я споткнулся о ковер и, чтобы не упасть, схватился за комод, тянувшийся вдоль стены. Послышался громкий стук, хлипкая мебель импортного производства ударилась о стену, от которой предусмотрительно была отодвинута на пару сантиметров. Очевидно, Вяльцев аккуратен, он бережет штукатурку.

– Осторожней, – предостерег секьюрити.

Я кивнул, выпрямился и услышал громкий голос Андрея, раздавшийся из гостиной:

– Сука, со мной решила шутить? Прислала пидора из газеты! Мало ей не покажется! Урою насмерть! Мерзкая сука! Убью на месте! Размозжу морду, чтоб больше не улыбалась! Ну я ее найду! Позвоню! Нет, лучше прямо поеду!..

Похоже, Вяльцев никак не мог успокоиться, бесновался теперь уже в одиночестве.

В самом мрачном настроении я очутился на лестничной клетке. Впервые в жизни я столкнулся с откровенным подлецом. Вяльцев великолепно знает Сонечку, их связывали узы брака и общий ребенок. Только кумир истерических бабенок не желает разглашения тайны, поэтому сейчас разыграл передо мной комедию. Стук комода о стену актеришка принял за звук захлопывающейся входной двери и дал волю эмоциям. Он невероятно зол на мать Марка! Бедная Сонечка! Вместо того чтобы помочь, я усугубил ситуацию!

– Ты че, правда частный сыщик? – спросил старший охранник, ведя меня к лифту.

Я кивнул.

– И лицензия имеется? – поинтересовался второй парень в форме.

– Да, естественно, – ответил я, – смотрите, вот она.

Юноши уперлись глазами в документы.

– Ты, это, извини, – смущенно протянул главный, – но у нас такая работа, деньги платят.

– Никаких претензий к вам не имею, – миролюбиво кивнул я.

– Здесь народ богатый, – гудел мужчина, – им хочется спокойствия, боятся корреспондентов.

– Еще фаны приходят, – подхватил один из охранников, – ваще чума! Их в дом не пускают, так они на улице чудят, асфальт мелкими разрисовывают, цветы кладут. И охота девкам стараться! Между прочим, среди них симпатичные есть.

– Скажешь тоже, Лешка, – скривился молчавший до сих пор юноша, – уродки, на них нормальный мужик не посмотрит, вот и бегает за обмылками.

– А та, как ее... ну... Арфа, что ли, – воскликнул Леша, – симпотная! Вполне ничего...

– Сумасшедшая, – уперся его приятель и повернулся ко мне, – вначале милой показалась, пришла в форме, платьице с золотыми пуговицами, на спине вышита надпись «Кондитерская Манже», сказала, что Вяльцев сладкое заказал.

– Мы велели коробку у нас оставить, – перебил коллегу Леша, – а эта... Арфа просить стала...

– Чаевые получить хотела.

– Приличная с виду, вот мы и разрешили подняться.

– Совсем на фанатку не похожа.

– Такой скандал вышел!

– Она к Вяльцеву пристала!

– Сестрой назвалась!

– Он так орал!!

– Вяльцев завсегда визжит!!!

– Хватит, – оборвало подчиненных начальство, – развешались.

– Странное имя Арфа, – сказал я, чтобы нарушить тишину, повисшую в лифте.

– Ее по-другому звали, – ответил Леша.

– Похоже на Арфу, – подхватил его приятель, – типа пианино.

Я постарался сохранить серьезное выражение лица, приличествующее начальнику розыскного отдела крупного детективного агентства, но предательская улыбка стала раздвигать губы. Можно представить себе людей, которые дали дочери имя Арфа, но как должны выглядеть те, кто окрестил девочку Пианино?

Узнав о моем поражении, Нора обозлилась.

– Тебе ничего поручить нельзя!

– Виноват, исправлюсь, – бойко ответил я.

– Дурацкая идея пришла тебе в голову, – кипела хозяйка, – ну зачем пообещал помочь госпоже Умер? Хотя мужчина при виде смазливой мордашки теряет разум.

Я молча внимал незаслуженным упрекам. Идея поехать к Вяльцеву и взять у него разрешение на выезд Марка из России принадлежит Элеоноре, я лишь выполнял приказ хозяйки. Но напомнить Норе об истинном положении вещей невозможно, если, конечно, я не хочу уйти из жизни в расцвете лет. Как все милые дамы, Элеонора не способна признавать собственные ошибки и легко сваливает вину на других.

– Нам бы следовало забыть о девице с «благозвучной» фамилией Умер, – злилась Нора, – но, увы, при беседе присутствовала Катерина из «Счастья». Если мы не добудем бумагу для Сони, редактор кропает разгромный материал, сделает меня посмешищем, заявит о моей полнейшей несостоятельности как детектива. Да уж, влипли, а все из-за тебя. Ладно, от рыданий дело не сдвинется с места. Ваня, внимание! Иван Павлович, вернись из грез и слушай!

Я деликатно покашлял.

– Никуда я не уходил.

– Я великолепно осведомлена о твоей манере отключаться при первых признаках грозы, – Нора не преминула лишний раз высказать недовольство секретарем, – поэтому и предупреждаю: вынырни из нирваны и немедленно поезжай на Ломоносовский проспект. Тебе надо там быть не позднее шестнадцати ноль-ноль, Рита не станет ждать.

Я глянул на часы.

– Могу не успеть.

– Глупости.

– Ломоносовский проспект на другом конце города.

– Великолепно знаю, где он находится.

– В Москве пробки.

- Ерунда. Прекрати тратить время на пустую болтовню.
- Хорошо, давайте адрес.
- Иван Павлович! Я велела тебе выйти из комы! Уже успел забыть? Ломоносовский проспект!
- Однако мне требуется еще и номер дома, – напомнил я.
- Сейчас эсэмэсну адрес, – пообещала хозяйка, – а то еще отправишься не туда. Потопись, Рита уйдет ровно в четыре.
- Кто она такая и зачем мне ехать к ней?
- С тобой невозможно иметь дело, – завозмущалась Нора, – сплошное занудство! Сто раз повторила! Ломоносовский проспект!
- Понял. Но вы не сказали ничего о цели визита!
- Если бы ты не идиотничал и внимательно слушал, то моя жизнь стала бы спокойней! Рита – нотариус, она напишет необходимую Соне бумагу, а ты потом отвезешь ее госпоже Умер. Сразу следовало воспользоваться услугами Маргариты, но ты решил поехать к Вяльцеву, за что и получил.
- Андрей согласился отправиться в нотариальную контору? – поразился я.
- Прекрати нести чушь!
- Но вы только что сказали: «Рита – нотариус, она выдаст нужную бумагу».
- Верно, поспеши!
- Значит, Вяльцев прибудет в контору?
- Нет!!!
- Но без него никак!
- Почему?
- Нора, человек, дающий разрешение на выезд своего ребенка, должен показать паспорт и подписать доверенность лично. В присутствии нотариуса. Собственно говоря, в этом в основном и состоит работа юриста, он удостоверяет подпись.
- Рита выдаст документ без Вяльцева, – заулыбалась хозяйка.
- А кто распишется в бумаге? – изумился я.
- Ты.
- Я? Простите, но это бред. Соне не нужна доверенность от Ивана Павловича Подушкина, ей необходимо иметь разрешение от Вяльцева.
- Боже, Ваня, – устало сказала Нора, – у меня началась изжога. Нельзя быть таким тупым! Черканешь в нужной графе – Андрей Вяльцев, и конец проблеме.
- Это незаконно!
- Ерунда.
- И опасно!
- Да? Интересно знать, почему?
- Вдруг пограничники заподозрят неладное.
- Коим образом?
- Не знаю. Засомневаются в подлинности почерка. Я никогда не видел автограф Вяльцева, впрочем, имей я перед глазами образец, не сумею скопировать его. Выйдет скандал! Соню арестуют. Если вам не жаль секретаря, которого обвинят в подделке документов, то хоть подумайте о госпоже Умер, отвечать за беззаконие придется и ей тоже.
- Иван Павлович, – ледяным тоном ответила Элеонора, – включи мозг и прекрати паниковать. По-твоему, пограничники имеют при себе образцы подписей всех граждан России? Нет, конечно, им важен бланк с печатью. Усек? Катись на Ломоносовский, потом живо отправляйся к Соне домой, вручи ей разрешение да ни о чем не трепись. Станет спрашивать, что и как, загадочно улыбайся и говори: «Бумагу получил. Зачем вам подробности?»
- Вы толкаете меня на противозаконные действия!

– Я спасаю репутацию «Ниро» и обеспечиваю рекламу своему агентству посредством замечательной, хвалебной статьи в журнале «Счастье», жди SMS с адресом Риты, – гаркнула Нора.

И как бы вы поступили в сложившихся обстоятельствах! Увы, я всего лишь наемный служащий, получающий из рук хозяйки конверт с зарплатой.

Глава 6

Нотариус без всякого смущения ткнула пальчиком в пустое место на уже заполненном бланке.

– Вот тут, около галочки, подпишите. Сначала имя, отчество, фамилию, затем автограф. Я покорно произвел процедуру, Рита кивнула и пододвинула толстенную книгу.

– Теперь здесь!

Назвался груздем – полезай в кузов. Я лихо расписался на серой странице.

– Спасибо, – кивнула Рита и выразительно постучала рукой по столу.

– Сколько? – спросил я.

Нотариус быстро написала на бумажке цифру, но вслух произнесла совсем иное:

– Тридцать рублей.

Я крикнул, вынул три десятки, потом из другого отделения бумажника начал выуживать купюры иного достоинства. Услуги Риты совсем не дешевы, теперь понятно, откуда у нее красивые бриллиантовые серьги и часы, усыпанные сверкающими камушками. Но раз Нора решила пойти на расходы, мне ее не переубедить.

Став обладателем абсолютно незаконного разрешения, я сел в машину и поехал к Соне. В голове теснились не слишком веселые мысли. Сколько в Москве таких нотариусов, как Рита? Много ли поддельных завещаний они завизировали? А сделок с недвижимостью? Какое количество детей вывезли за рубеж по липовым доверенностям? Ладно, в случае Сони все чисто, она лишь хочет провести с малышом отпуск на море, но, думается, попадаются женщины, желающие украсть дитя! Государство рискует, целиком и полностью полагаясь на честность нотариусов, среди океана неподкупных людей попадаются и экземпляры вроде Риты!

Предаваясь тяжелым раздумьям, я доехал до большого дома, явно построенного в середине прошлого столетия, и вошел в гулкий подъезд, сильно пахнувший кошками. Похоже, до этого здания еще не добрались обеспеченные люди, скупающие московские коммуналки. Лично меня удивляет желание жить в самом центре загазованного мегаполиса, в одном подъезде с весьма отличающимися от вас по материальному положению соседями. Один из приятелей Норы, удачливый торговец пивом Игорь Таратута, приобрел коммуналку. Сначала он намучился, расселяя ее обитателей, состоящих сплошь из алкоголиков, потом на Таратуту нажились соседи по лестничной клетке. Им не понравилась грязь, неизбежно сопровождающая ремонт. Игорь смиренно извинился и после того, как въехал в новую квартиру, отреставрировал весь подъезд, покрасил стены, сменил плитку, восстановил выщербленную лестницу. Но обитатели здания снова устроили истерику, теперь они обвинили Таратуту в нарушении исторического облика дома. Оказывается, грязный потолок, погнутые перила и расколотый на полу кафель были милы коренным обитателям как память о счастливом детстве. Ощущая себя варваром и вандалом, Игорь сделал жильцам поистине царский подарок – сменил лифт. Ранее в доме была железная клетка, внутри которой, угрожающе скрипя, двигалась деревянная кабина. Старый подъемник давно поломался, денег на его ремонт не было, а потом пришла комиссия, велевшая законсервировать механизм, пользоваться которым было признано опасным. Естественно, жильцы принялись стенать и плакать, им теперь приходилось таскать по ступенькам набитые сумки, детские коляски, да и с пустыми руками тяжело взбираться по бесконечным пролетам. И вот Таратута устранил беду. Думаете, ему устроили овацию и вручили грамоту в знак благодарности? Держите карман шире. На Таратуту написали кляузу и отправили ее лично мэру. «Кто разрешил наглому олигарху переделывать шахту? – задавали жильцы вопрос. – И откуда у нувориша деньги? Не стоит ли налоговой инспекции проверить документы бизнесмена – вора?»

При этом на лифте активно ездили, местные подростки жгли в нем кнопки, а алкоголики регулярно использовали кабину в качестве туалета.

Затем на одну из жилищек в подъезде напал грабитель. Игорь, испугавшийся в первую очередь за свою семью, провел для всех домофон и посадил на первом этаже лифтершу. Ясное дело, все расходы легли на плечи Таратуты. И снова в мэрию отправилось послание, на сей раз жильцы, руководимые местной совестью по имени Алексей Борисович, гневно заявляли: «С появлением запоров и охраны мы ощущаем себя заключенными, посаженными за решетку. Олигарх нарушил конституционные права граждан, в том числе на свободу».

Игорю пришлось признать свое поражение, он продал злополучную квартиру своему заместителю и перебрался в одну из элитных новостроек. Мечта о жизни в историческом центре Москвы накрылась медным тазом. Но самое интересное стало происходить после переезда Таратуты. Лишившись лифтера и домофона, бывшие соседи вновь накропали жалобу, требуя привлечь Игоря к суду за... бесчеловечное отношение к простым гражданам. «В силу тяжелого материального положения мы не имеем возможности оплачивать собственную безопасность, – писал все тот же Алексей Борисович, – поэтому суд должен обязать разжиревшего на нездоровой любви российского народа к пиву Таратуту содержать консьержку, следить за чистотой в нашем отремонтированном подъезде и ставить на профилактику наш очень дорогой лифт!»

Единственный вывод из этой истории таков – тигру не следует селиться в стае голубей. Птички только с виду кажутся белыми и ласковыми, на самом деле у них крепкие клювы, при помощи которых стая способна выклевать хищнику глаза. Знаете, как поступают милые голуби со своим больным собратом? Они съедают его. Это неправда, что символ мира питается лишь крошками да зернышками. При удачном стечении обстоятельств он не откажется и от мяса с кровью!

Угнетенный собственным депрессивным состоянием, я поднялся на второй этаж и нажал на звонок – раз, другой, третий. Минуты шли, Соня не спешила открывать дверь. Постояв около четверти часа, я соединился с Норой и растолковал хозяйке положение вещей, заключив речь фразой:

- Скорей всего, ее нет дома.
- Не может быть, – отрезала Нора. – Соня ждет бумаги!
- Но дверь не открывают!
- Она в квартире.
- Сколько можно трезвонить? Соня явно отсутствует.
- Может, к соседке вышла, – предположила хозяйка, – за сахаром или солью?
- Я стою тут уже четверть часа. За это время можно успеть до супермаркета дойти, он, кстати, расположен в доме на первом этаже.

– Постучи в дверь! Да посильней, – приказала Элеонора, – небось телик смотрит, а звонок слабый, дребезжит впустую. Дубась изо всех сил.

– Ладно, – без особого энтузиазма согласился я, сунул мобильный в карман и пнул дверь. Она приоткрылась. Меня охватило неприятное волнение.

– Соня! Это Иван Павлович! У вас не заперто!

Хозяйка не откликнулась, я уловил веселую музыку, и беспокойство прошло. Нора права, Соня наслаждается развлекательной программой, она просто забыла повернуть ключ. Замок в двери незахлопывающийся, его надо непременно запирать.

Повторяя во весь голос: «Соня, это Подушкин», – я пошел по коридору в сторону комнаты, откуда раздавалась разухабистая мелодия, и в конце концов очутился в уютной кухне. Очевидно, Соня была мерзлячкой, потому что тут работало сразу два обогревателя и стояла духота.

Тяжелые драпировки на окнах не были задернуты, под потолком не горела люстра, в темноте светился синим светом экран телевизора. Я невольно отметил, что Соня наслаждается

эстрадным концертом, и начал оглядываться по сторонам. Хозяйки в помещении не оказалось. Я чихнул, почуяв неприятный запах, отдаленно напоминающий удушливо-сладкий аромат любимых духов Николетты.

Тревога снова охватила меня.

– Соня! Вы где?

– Не идет тебе черно-белый цвет! – заорали из динамика.

– Соня! Я принес разрешение от Вяльцева! – надрывался я.

Но хозяйка словно испарилась. Наверное, мне следовало уйти, но я решил положить бумагу на стол и придавить ее сахарницей, сделал пару шагов и застыл с поднятой ногой.

Между холодильником и плитой белела на полу... рука, тонкая, казавшаяся нереально длинной. Между пальцами торчал странный предмет розового цвета. Я икнул и тут же увидел голубой халат, красивые стройные ножки, обутые в отороченные мехом тапочки.

– Соня, – прошептал я, осознав непоправимость случившегося, – Сонечка, вставайте, не надо лежать на плитке, можно простудиться!

Но чуда не произошло. Соня молчала, и тут я скользнул взглядом выше по телу и наткнулся на лицо. Его не было. Вместо милого голубоглазого личика девочки-подростка я увидел нечто темно-бордовое, бесформенное. На какую-то секунду мне показалось, что Соня нацепила маску вроде тех, что продают в магазинах игрушек, но я тут же понял: хозяйка не намеревалась никого пугать, лоб, нос, щеки, рот покрывает запекшаяся кровь.

Почти в предобморочном состоянии я, вынимая из кармана мобильный, начал пятиться в коридор, уперся в конце концов спиной в стену, на автопилоте набрал номер и услышал голос Норы:

– Отдал?

– Нет, – с трудом произнес я.

– Все еще стоишь на лестнице?

– Нет.

– Уехал! Безобразие! Я велела тебе ждать Соню! – завозмущалась Элеонора.

– Я в квартире.

– Так отдай бумагу! Ваня! Очнись!

– Она умерла.

– Кто?

– Соня! Лежит на полу, – зашептал я, – лицо в крови, это ужасно.

– Ты уверен? – спросила никогда не теряющая самообладания Элеонора.

– Я окликнул ее, она не отвечает.

– Могла просто потерять сознание! Так, я еду к Соне, только позвоню Максиму, – начала распоряжаться Нора, – а ты постарайся определить, жива ли несчастная.

– Как?

– Пощупай пульс на шее и руке, поднеси ко рту зеркальце, вызови «Скорую», не тормози, от твоей собранности зависит жизнь человека, – заорала Нора.

– Мне страшно, – честно признался я, – не может быть у живого человека такое лицо.

– Ваня, ты мужчина или мямля? – разъярилась Нора. – Немедленно вызови врачей, и до их приезда попытайся оказать несчастной первую помощь. Уже еду! Бегу в гараж! Шурик! Шурик! Где этот лентяй шофер!

Я прижал к груди пищашую трубку. Мужчина я или мямля? Ясное дело, я принадлежу к лучшим представителям сильного пола. Просто мое желание сначала обдумать ситуацию и лишь затем действовать расценивается многими женщинами как нерешительность или лень. Но торопливость нужна лишь при ловле блох. Если вы стали свидетелем аварии, не кидайтесь поднимать раненого человека, сначала сообразите, не поврежден ли у него позвоночник, ваша

поспешность может навсегда лишить несчастного способности двигаться. Так мужчина я или мямля?

Сделав глубокий вдох, я шагнул в кухню и, трясаясь, как осиновый лист, присел около Сони спиной к ее ужасному лицу. Взял тонкую руку, но никакого пульса я не ощутил, конечность плохо гнулась и напоминала на ощупь прихваченный легким морозцем пластилин.

Я осторожно вернул руку на пол и опять увидел странный розовый предмет, торчащий между сведенными судорогой пальцами. Я вышел в коридор. Бедняжке Соне никто не сумеет помочь, ее уже не удивит известие о том, что я знаю имя человека, лишившего жизни несчастную. Пальцы трупа сжимают брелок, отвратительный аксессуар в виде пениса, в серебряной окантовке. В ушах моментально зазвенел голос Вяльцева. Что он там орал, пока я в компании секьюрити шел по коридору? Ах да! «Мерзкая сука, убью на месте, размозжу морду, чтобы больше не улыбалась».

На следующий день около часа дня я вышел из квартиры. Нора совершенно неожиданно дала мне выходной день.

– Можешь сегодня делать что угодно, – милостиво разрешила хозяйка, – кстати, купи «Желтуху», там должна выйти статья Катерины, маленькое сообщение о «Ниро».

– Она пишет для низкопробного бульварного издания? – изумился я. – Насколько я понял, дама сотрудничает с приличным журналом.

Нора подняла правую бровь.

– Большинство корреспондентов так поступают. За «горячие» материалы хорошо платят, «Желтуха» не скупится, поэтому, наваяв статейку о «розовом периоде» Пикассо, наша Катюша тут же строчит и сообщение об актрисе N, появившейся на тусовке без трусов. Один материал пойдет в журнал «Счастье» под настоящей фамилией корреспондентки, второй – в «Желтуху» под псевдонимом Фукс. Я понравилась журналистке, и она предложила: «Давайте завтра я дам пару абзацев о „Ниро“, сообщу о вашем существовании, это будет просто информация, без сенсации».

– Ясно, – кивнул я.

– Иди, Ваня, погуляй, загляни в книжный магазин, ты плохо выглядишь, – проявила неожиданную заботу Нора.

Я выполз на лестницу и увидел тоненькую фигурку Люсеньки, дочки нашего соседа Евгения. После истории с черепашкой ребенок проникся ко мне доверием, я теперь служу хранилищем секретов милой девочки⁴.

– Здравсти, дядя Ваня, – шмыгнула носом Люсенька.

– Добрый день, солнышко, – улыбнулся я, – прогуливаешь школу?

– Нет, – мрачно ответила она, – уже с уроков иду.

– Почему тогда радости не видно?

Люсенька выпятила нижнюю губку.

– Эх, дядя Ваня! Мама уехала во Францию.

– Ты скучаешь?

– Неа! Только теперь за мной бабушка смотрит.

– Вы не ладите?

Люсенька прислонилась к стене.

– Маме дневник по фигу, она туда и не глядит, а бабка – бывшая учительница, ну каждый день зырит!

– Не повезло тебе.

⁴ Иван Павлович вспоминает ситуацию, описанную в книге Дарьи Донцовой «Сафари на черепашку» (издательство «Эксмо»).

– Ага! У меня три двойки сегодня.

– Это плохо.

– Хуже некуда, – пригорюнилась Люсенька, – когда бабка тройбан по Пушкину углядела, она у меня комп на неделю отняла. Спрятала ноутбук и ворчала: «Вся зараза от него. Твой папа в Интернете не сидел и теперь уважаемый человек. Станешь чертовой машинкой пользоваться – дурой еще вырастешь». Правда, Лидка идиотка?

– Нехорошо так говорить о бабушке, – покачал я головой. Хотя, если разобраться в сути вещей, Люсенька абсолютно права. Отец девочки, Евгений, нынче весьма успешный бизнесмен, но в прошлом он браток, бегавший по улицам с автоматом. От прежних лет у Евгения осталась любовь брить череп и еще наколки на пальцах, синие перстни, которые соседка прячет теперь под настоящими кольцами из золота со сверкающими камнями. Может, имел Евгений в детстве компьютер, подключенный к Всемирной паутине, он сидел бы дома, а не торчал в подворотне в компании криминальных подростков, которые потом и толкнули мальчика на скользкий путь уголовника.

Глава 7

– Боюсь, у тебя сегодня снова отнимут ноутбук, – сказал я Люсеньке.

– Нет, – хитро заулыбалась девица, – если вы поможете.

– Но что я могу сделать в данной ситуации?

Быстро оглянувшись по сторонам, Люсенька вытащила дневник:

– Во, читайте.

– «Уважаемые родители! – озвучил я текст. – У вашей дочери двойки по физике, литературе и даже по пению. Задумайтесь, зачем ей голова на плечах».

Далее шла кривая закорючка, очевидно, обозначающая подпись.

– Райка написала, – пояснила девочка, – наша классная. Для нее нет больше радости, чем гадость сделать. Просто удав. Двойку влепит и счастлива! Она русский и литру ведет.

– Так чем я могу тебе помочь? – еще больше удивился я.

Люсенька хихикнула:

– У меня сегодня и «четыре» по географии есть.

– Не вижу хорошей отметки, в графах одни «лебеди».

– Правильно, – кивнула Люсенька и вытащила еще один дневник, – она тут.

– У тебя два дневника?

– Верно. Завела после маминого отъезда, когда Лидка комп отняла, один для пар и троек, другой для четверок с пятерками, – развеселилась Люсенька. – Ясный перец, первый бабке показывать не стану!

– Понятно...

– Но сегодня в первом замечание написали.

– И что?

– Кто-то из родителей должен ответ дать.

– Какой?

– Ну типа: прочитали, наказали, ремнем до смерти избили, руки-ноги оторвали. Чем страшнее, тем Раисе Ивановне приятней, – заявила Люсенька, – она нас ненавидит.

– Может, она выбрала не ту профессию?

– Да, ей бы в самый раз палачом работать, топором головы рубить!

– Люсенька!

– Дядя Ваня, напишите ответ вроде как мой папа.

– И не проси! Это обман.

– Ну, дядя Ваня, – заныла Люсенька, – я исправлюсь! Меня Райка завтра на занятия не пустит! А папе нельзя показывать, он сразу орет: «Зачем я людей мочил, бизнес сколачивал! Чтобы дочь двоечницей росла?!» Лидка опять комп отберет! Дя-я-дя-я Ваа-аня-я-я!

Глаза Люсеньки наполнились слезами, одна блестящая капля поползла по пухлой щечке, вид у ребенка стал совершенно несчастный, а я абсолютно не переносу вида плачущей женщины, даже если ей не исполнилось еще девяти лет.

– Давай ручку!

– Вот, – быстро подала мне стило хитрюга, – надо, чтобы почерк взрослый был!

Я кивнул, подумал пару секунд и улыбнулся, нужный вариант ответа сам собой пришел: «Уважаемая Раиса Ивановна! „У человека для того поставлена голова вверх, чтобы он не ходил вверх ногами. Козьма Прутков“»⁵.

⁵ Козьма Прутков – под этим коллективным псевдонимом писали в 50 – 60-х годах XIX века А.К. Толстой и братья Жемчужниковы.

– Супер! – обрадовалась Люсенька. – У нас в шесть занятия в театральном кружке. Я Райке покажу, она и успокоится! Заколебала, блин! Все нудит: «Учитесь, детки, станете такой, как я! Только тот, кто знает литературу, достоин жизни и свободы». Да если это правда – я даже к учебникам не прикаснусь! Быть такой, как Райка! Фу!

Выпалив последнюю фразу, повеселевшая Люсенька повернулась на одной ноге и распахнула дверь в свою квартиру.

– Бабулечка, – зазвенел ее приторно-ласковый голосок. – Я получила четверку по географии!

– Как ты отвратительно разговариваешь, – донеслось в ответ, – слова «географиш» нет! Есть география! Нормальный человек не коверкает речь, он произносит слова четко и правильно.

Люсенька обернулась, подмигнула мне и одними губами сказала:

– Жаба!

Я невольно кивнул, девочка прыснула и захлопнула дверь.

Весьма недовольный собой, я вызвал лифт. Детей следует воспитывать, показывать им хороший пример, учить правильным манерам, давать образование. Как все педагоги, Лидия Семеновна, мать Евгения, слегка занудна, но она желает внучке добра, мне не следовало соглашаться со словом «жаба». Хотя, если честно, пожилая дама сильно смахивает на земноводное. Не далее как позавчера она сделала мне замечание:

– Не смейте дымить в лифте.

Я никогда не грубил женщинам, поэтому спокойно ответил:

– В моих руках нет сигареты.

– Воняет табачищем, – насупилась Лидия Семеновна.

– Я курил на улице, вот запах и остался.

– Омерзительно, – скривилась она, – людей, имеющих вредные привычки, следует расстреливать. Если курильщик даст потомство, оно будет больным! Человечество страдает от таких особ. Ваши дети небось страдают астмой и гастритом!

– Я не обременен отпрысками, – мирно ответил я.

– Вот! – торжественно подняла указательный палец Лидия Семеновна. – Паразит на теле общества. Проводит жизнь в наслаждении, не понимая основной задачи человечества. Какова она? Трудиться и рожать детей! Вам, молодым, все пиво бы пить и в компьютер играть! Составитесь, сядете на шею государству. Разве справедливо, что на вас станут работать чужие дети?

Слава богу, в этот момент подъемник остановился, Лидия Семеновна вышла, не забыв сказать:

– Подумайте над моими словами, молодой человек, и срочно исправьтесь.

И все равно не следовало кивать, услышав из уст шепутной Люсеньки правду о бабушке.

Я вышел из лифта и увидел охранника Алексея.

– Здравсти, Иван Павлович, – вежливо сказал парень.

– Добрый день. Вы вновь на дежурстве?

– Да, сменщик в отпуске.

– Вам придется тяжело, – из чистой вежливости поддержал я беседу.

– Зато денег больше получу.

– Верно, во всем плохом есть свое хорошее.

– А если кроссворд разгадаю, то еще и приз отожду.

– Желаю удачи.

– Иван Павлович, вы были не правы.

Я взялся за ручку двери.

– В чем?

– Ну спрашивал вас, помните, о средстве для закапывания.

– Да, да, я ответил: лопата.

– Не подходит, – грустно констатировал Алексей.

– Неужели?

– Никак! Может, еще чего в голову придет?

– Попробуйте совок.

– О! Точно! Образованного человека всегда видно, – похвалил меня он и нырнул в свою каморку.

Я наконец-то вышел во двор. Сегодня погода радовала душу, редкий для Москвы теплый, но не жаркий солнечный денек, дождя, похоже, не предвидится, на небе ни облачка. Хорошо, что на Нору напал альтруизм и она неожиданно дала мне выходной. И чем заняться? Дама, с которой на данном этапе я связан амурными отношениями, отдыхает с супругом в Испании, поэтому никаких плотских утех не предвидится. Я брезглив и не люблю случайных связей. В молодости, впрочем, бывало разное, но сейчас я уже не готов к бесшабашным приключениям. Лучше поеду в книжный магазин «Молодая гвардия», я там постоянный покупатель, затем загляну в парикмахерскую, потом пообедаю – короче, проведу день, как светский персонаж, в замечательном бездельи. Только вечером в отличие от профессионального тусовщика я не отправлюсь на вечеринку, а удобно устроюсь в кресле с новыми книгами. Жизнь прекрасна.

– Вот сукин сын! – рявкнули над ухом.

Я обернулся и увидел отца Люсеньки Евгения, стоящего около своего нового «Бентли».

– Привет, Ваня, – помахал мне соседушка, – глянь, я машину вчера купил!

– Замечательный автомобиль, – одобрил я.

– Небось ты тоже хочешь такой, а лавэ нет, – заржал Евгений.

Я еще раз посмотрел на чудовищно дорогую иномарку. Не надо думать, что Евгений хотел унижить или обидеть меня. Сосед просто не обременен воспитанием, у него менталитет пятилетнего ребенка: получив новую игрушку, малыш всегда желает похвастаться и убедиться – его автомобиль самый лучший.

– Вам любой позавидует, – кивнул я.

Евгений счастливо заулыбался:

– Вот стерва!

– Вы о ком?

Сосед ткнул пальцем в дерево:

– Давно за ним смотрю.

Я прищурился.

– Не видишь? – удивился отец Люсеньки и прислонил к «Бентли» бейсбольную битку. – Во, дрянь, упала. Ты, Ваня, с собой такую возишь?

– Аксессуар для бейсбола? Нет, не увлекаюсь им, я не спортивный человек.

Евгений заржал:

– Ваня! Битой хорошо по морде метелить, если на дороге разборка случается.

– В смысле драться? – растерялся я.

– Ага, – закивал сосед, – ни один мент не привяжется, поскольку это не оружие. Начнет приматываться, а ты спокойно ответишь: «А че, ты при...я мне, че, в бейсбол играть низзя?» Хочешь подарю битку? У меня еще есть!

– Большое спасибо, – поспешил отказаться я, – предпочитаю разрешать конфликты вербально.

– Кто бы мог подумать, что ты этим владеешь, – изумился Евгений, – потом покажешь?

– Что? – осторожно спросил я.

– Ну приемы из вербально, – простодушно пояснил сосед. – Оно как самбо или вроде дзюдо? Вот сучара!

– Кто?

– Да кот на дереве!

Я задрал голову и увидел среди зеленой листвы ярко-рыжее пятно.

– Он в гнездо полез, – засмеялся Евгений, – яичек захотел. Ну ща ему мало не покажется, за разбой срок дают. Гля, Вань, хозяева прилетели, ща пойдет разбор.

На ветку, где затаился наглый вор, сели вороны. Одна из птиц с возмущением закаркала, вторая, недолго раздумывая, клюнула кота в хвост. Рыжий разбойник отчаянно замыкал и попытался удрать, но толстое тело соскользнуло с ветки, и кошак повис, зацепившись за нее когтями. Ворона долбанула беднягу в голову, вторая подлетела сзади и тукнула в спину.

– Мяу-мяу-мяу, – разнеслось над двором.

Мне стало жаль бедное животное, и я замахал руками:

– Кыш, улетайте прочь!

– Не мешай, Ваня, – недовольно остановил меня Евгений.

– Птицы забьют кота насмерть.

– А нечего по гнездам крысятничать! – заявил сосед. – Кошки сволочи! Дерись со своими, а слабых не обижай. Ошибся Васька, думал, никто за яички не вступится. Слышал, че вчера в фитнесе случилось, ну там, у Москвы-реки.

– Нет.

– Малыш в раздевалке сумку поставил на скамейку, а к нему два качка пристали, типа, вон отсюда. Паренек, правда, сказал, не надо, хуже будет, а парни лишь поржали, типа, че нам будет от сопляка. Мальчик в слезах убежал, а когда качки на улицу вышли, их уже ждали, выставили из машины стволы, постреляли их на хрен и укатали. Во какой ребенок! Непростой! Не трогай мальчика, у него есть папа! Закон жизни. Эй, эй, эй, стой! – заорал Евгений.

С утробным воем кот свалился с ветки и угодил прямо на крышу «Бентли». Полежав пару секунд, он начал стекать по лобовому стеклу вниз, на капот. Очумев от боли и ужаса, котяра выпустил когти, острые, словно бритва, они царапали машину, оставляя на серебристой краске черные полосы.

– Стой! – завизжал Евгений. – Ну ща те мало не покажется.

Несчастный кот, плохо понимая, что к чему, сполз на капот и попытался встать. И тут Евгений, схватив биту, со всего размаха опустил ее на очумелое животное. В последнюю секунду, когда бита должна была превратить его в блин, кот сумел правильно оценить ситуацию и ловко скатился на мостовую. Раздался оглушительный хлопок, похожий на выстрел, на капоте образовалась вмятина.

– Это че? – оторопел сосед. – Кто такое сделал?

Я прикусил губу, не дай бог сейчас расхохотаться.

– Откуда, блин, хреновина? – недоумевал Евгений, потом в его глазах загорелся огонек понимания. – Этга я? Сам? Битой? По «Бентли»?

Я опустил голову и резвым зайцем полетел к своим «Жигулям» в подземный гараж. Увы, многим людям свойственны неконтролируемые порывы. Евгений хотел убить несчастного кота, только не сообразил, что животное лежит на его же новой, дорогой машине. Хорошо, что попортил лишь капот, не задел ни стекло, ни крышу!

Я завел мотор своего не слишком резвого коня, выехал на проспект и чуть было не запел от счастья. Даже зазвеневший мобильный не испортил отличного настроения. Не взглянув на дисплей, я включил «хэндс фри».

– Алло?

– Вава! – впился в мозг голос маменьки.

Солнечный свет померк: о боги, только не Николетта!

– Я знаю, что ты совершенно свободен, – частила маменька, – я звонила Норе, просила отпустить тебя, а она ответила: «У него выходной».

– Ну, – забубнил я, – оно так, но не совсем, в смысле, я занят, надо... надо... машину на техобслуживание отвезти.

– Это потом.

– Нет, сейчас, – уперся я, понимая, какие чувства испытывал бедный кот, когда на него, веселого и счастливого, предвкушавшего замечательный обед, налетели каркающие вороны, – тормоза сломались! Это опасно.

– Завтра починишь.

– Нора приказала сегодня.

– Вава! Не ври! – разъярилась Николетта. – Монти срочно необходима твоя помощь!

Я чуть не врезался в автобус. Монти! За что???

Здесь придется отвлечься, чтобы объяснить некие обстоятельства.

Некоторое время назад с Николеттой произошла удивительная метаморфоза: маменька вышла замуж. Слышу, слышу вздох удивления, вырвавшийся у вас, но из песни слов не выкинешь. Счастливым мужем стал более чем состоятельный Владимир Иванович. Мой отчим – кинопродюсер, снимает сериалы, имеет большой капитал и психическое отклонение под названием мазохизм. Ни одна спокойная, уравновешенная женщина не могла жить с ним. Через неделю размеренного существования у отчима начинает сводить скулы, а еще он обожает тратить деньги, исполнять капризы дам и рад, когда они его пинают. Есть еще один нюанс. Молоденькие длинноногие блондинки, с радостью готовые вонзить шпильку в лысину обеспеченного папика, нашему продюсеру не нужны. По долгу службы он постоянно общается с юными актрисами и заработал стойкое отвращение к очаровательным нимфеткам. Это профессиональная болезнь. Повара, колдующие день-деньской над изысканно сложными блюдами, дома едят пустую гречку, модельеры, придумывающие невероятную одежду, предпочитают сами носить черный свитер и темные брюки. Владимиру Ивановичу хорошо лишь с дамой, мягко говоря, среднестарческого возраста. При этом она должна быть капризна, скандальна, истерична, жадна, эгоистична и полна необузданных желаний. Старушка, мирно вяжущая шапочку внуку и покорно говорящая мужу: «Дорогой, поступай как знаешь, мне ничего не надо», вызывает у Владимира Ивановича кислую отрыжку. Юная блондинка, жадно требующая брюликов, машин, особняков и денег, доводит его до мигрени.

Долгое время Владимиру Ивановичу казалось, что он никогда не найдет счастья. Перешагнув некий возрастной рубеж, женщины больше всего начинают ценить покой. Молодости свойственны жажда жизни и океан желаний, зрелость тихо едет в лодке быта, радуясь стабильности и обретенному материальному благополучию.

Продюсер мечтал иметь коктейль из несовместимого, и тут добрый боженька послал страдальцу Николетту.

Теперь маменька имеет возможность совершать любые покупки, третировать супруга и устраивать ежевечерние суаре⁶. Даже Кока с ее слишком богатым зятем прикусила ядовитый язык, а Зюка, Люка, Мака и иже с ними просто изошли на мыло от зависти.

Я испытываю к Владимиру Ивановичу самые нежные чувства. Во-первых, он снял с моих плеч непомерное финансовое бремя, во-вторых, продюсер – милый человек, в-третьих, он, похоже, любит Николетту. Последнее обстоятельство удивляет меня до колик. Я никак не смогу понять, откуда у вполне успешного мужчины ярко выраженный мазохистский комплекс с элементами геронтофилии?⁷ Но потом, уже на свадьбе, я познакомился с Делей, и все встало на свои места.

Деля – это мама Владимира Ивановича, особа без возраста и тормозов. Мне, всю жизнь пытавшемуся выползти из-под каблука Николетты, жаль Владимира Ивановича. Следует при-

⁶ Суаре – вечеринка (франц.).

⁷ Геронтофилия – любовь к человеку пожилого возраста.

знать, что Деля даст сто очков моей маменьке, Николетта на фоне свекрови кажется агнцем, милой, скромной, ласковой девочкой. Никто не понимает Владимира Ивановича так хорошо, как я, мы с отчимом очень похожи, но есть лишь одно различие. Я прихожу в ужас от мысли, что мне придется жениться на клоне Николетты. Девушка, имеющая одну сотую процента сходства с маменькой, вызывает у меня отек Квинке, а отчим искал в супруге вторую мать и нашел ее⁸.

Думаю, эта часть повествования ни у кого не вызовет вопросов. Едем дальше. У Дели есть еще один, как она выражается, «малыш». Зовут детку Монти, и он почти одного со мной возраста. Какое имя стоит у милейшего Монти в паспорте, я понятия не имею, может, Монтгомери, Монтегю или банально Михаил. Деля кличет свое «солнышко» Монти.

Откуда у Дели взялся Монти, я понятия не имею, сильно подозреваю, учитывая возраст Владимира Ивановича, что «котик» не является родным ребенком дамы, он ее внук, но Деля упорно величает странное существо сынулей.

Монти – человек без определенных занятий, но не надо путать, его с бомжом. Муж Дели был богат, оставил даме кучу всего, включая три квартиры в Питере, дачу и неплохую коллекцию картин. Монти рос в тепличных условиях, его тщательно берегли от контактов с неподходящими девушками, хотевшими урвать жирный кусок от состояния Дели. Если Монти и впрямь единоутробный брат Владимира Ивановича, то всем генетикам следует застрелиться. Более непохожих родственников свет не видывал. Владимир Иванович умнейший, образованный, трудолюбивый и увлеченный человек, достигший в жизни высот благодаря исключительно собственным усилиям. Деля явно недолюбливает старшего сына, получая от него взамен обожание, мать свихнулась на Монти, а тот напоминает гель для мытья, течет безвольно туда, куда направят его чужие руки. Я подозреваю, что Монти не умеет завязывать шнурки. Долгое время Деля не задумывалась о судьбе «котика», но тут Монти, побывав на свадьбе у Владимира Ивановича и Николетты, закапризничал и заныл:

– Хочу жениться.

Ситуация до боли напоминает бессмертную пьесу Фонвизина «Недоросль», но Деля плохо знает классику. Она привезла Монти из Питера в Москву и вручила его невестке с коротким приказом:

– Женить немедленно!

Николетта, как, впрочем, и все вокруг, боится Делю до дрожи в коленках. Лично я полагаю, что престарелая дама послана моей маменьке в наказание. Собственно говоря, свекровь и невестка похожи, как мечты алкоголиков, но маменька не способна к адекватной самооценке и иначе чем «мое несчастье» свекровь не называет.

Так вот, Деля сейчас уехала домой, в Питер, Владимир Иванович снимает кино в болотах Карелии, а Николетта пытается женить Монти.

⁸ История знакомства Николетты, Владимира Ивановича и Дели описана в книге Дарьи Донцовой «Пикник на острове сокровищ» (издательство «Эксмо»).

Глава 8

– Немедленно езжай сюда, – трагическим шепотом заявила Николетта.
– Куда? – прикинулся я олигофреном.
– Домой, – прошипела маменька, – без задержки!
– Я только что вышел из дома, – отчаянно изображал я дурака в тщетной надежде услышать от маменьки: «Ваня, идиот, ты мне не нужен!»

Но Николетта не собиралась отступить.

– Я имею в виду отчий дом, – гаркнула она и тут же вновь понизила тон: – Вава! Беда!

– Что случилось?

– Расскажу при встрече, – загадочно сообщила маменька и отключилась.

Хорошее настроение улетело прочь, перспектива ползать по книжным полкам удалялась вместе с намерением сходить в парикмахерскую. Сделав пару глубоких вдохов, я покатиł по хорошо известной дороге.

Дверь мне открыла сама маменька.

– Немедленно слушай, – засвистела она, хватая меня за плечо.

– Можно снять ботинки?

– Не идиотствуй! Внимание! Я нашла невесту для Монти.

– Да? – без особого энтузиазма отреагировал я. – Очень мило.

– Очень мило! – передразнила маменька. – Ты хоть понимаешь, сколько трудностей мне пришлось преодолеть? Если девица нравилась мне, она не приходилась по душе Монти, и наоборот.

– Думаю, следовало ориентироваться на желание Котика, – посоветовал я, – все-таки ему жить с супругой.

– Не занудничай, – топнула ногой маменька, – а мне придется встречаться с гадкой особой! Не забудь, она войдет в семью. Кстати, Монти нравится лишь одна баба.

– И кто же это? – заинтересовался я.

– Анджелина Джоли.

Я хмыкнул.

– Думаю, у тебя возникнут сложности при сватовстве, хотя, говорят, голливудская дива любит оказывать благотворительные услуги.

– Замолчи и слушай.

– Весь внимание.

– Я нашла кандидатку. Это Алена Олейникова.

– Никогда не слышал об этой женщине.

– Боже, Вава. Ты идиот! Она третья дочь первой жены четвертого мужа второй внучки Юлиана Малахова. Понял?

– Знаешь, Николетта, я всегда поражался, как легко ты разбираешься во всяких хитро-сплетениях чужих судеб! – не утерпел я.

– Вава! Алена была женой Ильи Ковригина, потом он с ней разошелся.

– А-а-а! Такая черненькая, похожая на беременного таракана.

– Вава!!! У Олейниковой огромное состояние, и она не прибрана к рукам.

– Прекрасно. Думаю, они с Монти составят прелестную пару.

– Только бы срослось! – заметалась по прихожей маменька. – Девчонка скоро придет! Ты обязан мне помочь!

– Чем?

– Заменишь Монти! Котик абсолютно неадекватен!

Я стал пятиться к двери.

- Нет, спасибо.
- Вава!!!
- Я не сумею исполнить роль Монти.
- Ерунда, любой справится.

– Николетта, – воззвал я к маменькиному чувству логики, – ну посуди сама: я начну обольщать Алену, предположим, понравлюсь ей, а в загсе невеста увидит Монти. Мы с Котиком похожи, как свинья и лошадь. Конечно, не в обиду для Монти будет сказано, я даже согласен быть в этой паре кабаном, пусть роль рысака достанется Котику.

– Прекрати нести чушь! Монти сам великолепно соблазнит Алену!

– Но ты велела мне заменить его!

– На кухне!

– Где? – подпрыгнул я.

Николетта округлила глаза.

– Бога ради! Замолчи! Я пытаюсь разъяснить суть дела и не могу! Ты мелешь языком, словно обезумевший заяц, болтаешь ерунду.

– Длинноухие не говорят, – машинально поправил я маменьку.

– Ну вот! Снова!

Я прикрыл рот ладонью:

– Я нем, как мавзолей.

Маменька, размахивая руками, на запястьях которых звенело неисчислимое количество браслетов, принялась рассказывать.

Алена, несмотря на неудачный брак, девица романтичная. Но в отличие от обычных женщин она отвергает стандартный набор: букеты – конфеты – рестораны – кольца. Госпожа Олейникова более всего на свете ценит нечто, произведенное собственными руками.

– Купить цветы – дело пяти минут, – рассуждает барышня, – совсем нетрудно заказать цветочную композицию. Веник, составленный фитодизайнером, не свидетельствует о любви, он показатель кредитоспособности жениха, а мне плевать на толщину кошелька кавалера.

Учтите, что подобные монологи милейшая Аленушка произносит, сидя в кресле на втором этаже загородного особняка, возведенного на участке размером в два гектара. Но сейчас нет времени обсуждать характер мадемуазель.

Николетта, горя желанием отдать Монти под венец, произвела тщательную разведку и составила для Котика план действий. Монти послушен, как цирковая обезьянка, он зазубрил текст и сумел убедить Алену, что истово увлекается кулинарией. И вот сегодня госпожа Олейникова придет к чаю, а Монти должен угостить ее тортом собственноручного производства.

– Она не устоит, – щебетала Николетта, – это именно то, что надо! Сообразил?

– А при чем тут я?

– Вава!

– Что?

– Монти не умеет печь торты.

– Прости, но я совсем не понимаю своей роли!

Маменька склонила голову набок.

– Я сейчас уйду к Коке, вы с Монти останетесь вдвоем. Котик пойдет в ванную приводить себя в порядок перед встречей с невестой, а ты сделаешь тортик!

Ноги подогнулись в коленях, я плюхнулся на банкетку, обитую красивым бархатом.

– Я?

– Ты.

– Испеку??

– Да.

– Торт???

- Господи, неужели это так трудно?
- Николетта, помилуй, я даже не представляю, как подступиться к этому. Не проще ли купить готовое изделие и выдать его за творение Котика?
- Алена сразу поймет, что торт не домашний.
- Ладно. Давай вызовем кондитера.
- Да нет же! Угощение должно выглядеть сделанным рукой непрофессионала.
- Есть много женщин, умеющих хорошо готовить, надо позвонить им.
- Назови хоть одну, – подбоченилась Николетта.

Я начал перебирать в памяти имена. Кока, Зюка, Люка, Мака, этих прочь. Домработница Нора Ленка? Только в случае, если Монти пожелает отравить Алену. Тася, моя бывшая няня, а теперь домработница маменьки? Но она умеет стряпать лишь простые блюда. Нора? Фу! Хозяйка не способна отварить даже макароны.

– Хватит, – топнула ногой Николетта, – ступай на кухню. Я специально дала Таське выходной, чтобы она не мешалась под ногами. Подойди к столу, там лежит рецепт и много продуктов. Действуй и помни: судьба Монти в твоих руках. Я только что разговаривала с Делей, она велела пожелать тебе удачи!

Сраженный наповал последним заявлением, я поплелся на кухню. Николетта молодец, увидела, что я собираюсь убежать, и применила баллистическую ракету, Деля способна уничтожить человека, не захотевшего помочь Котику.

На столе белела бумажка. Я схватил ее и начал читать. «Пирог муравьиная куча с вареньем». По спине пробежал озноб. Да уж, от одного названия гастрит начинается, только представьте, что вам подают на блюде сосновые иголки, шишки, мелкие камушки, залитые джемом, а из липкой массы высовываются трупы утонувших трудолюбивых насекомых! Ну гадость!

Отогнав видение, я попытался сосредоточиться на рецепте. «Возьмите стакан сахара, который при желании можно заменить медом». Так песок или мед. Автору кондитерского шедевра следовало быть более конкретным.

Я ползая по полкам, не нашел стакана и решил использовать кружку. Сахар тоже не обнаружил, зато нашел мед. Я налил его в фарфоровую емкость и понял, что не хватает примерно одной трети.

Судорожные поиски ничего не дали. Поразмыслив некоторое время, я открыл банку сгущенки и долил кружку доверху: насколько я понимаю, пирог должен быть сладким.

«Добавьте в мед три яйца». Я уставился на переполненную кружку, интересно, как это сделать? Места для яиц нет! Вновь подумав, я принял соломоново решение, перелил медово-сгущенковую смесь в кастрюлю и лихо дополнил ее тремя яйцами.

«Желтки разотрите с сахаром, белки взбейте». Я засунул нос в кастрюлю. Дурацкий рецепт. Никакой последовательности, я уже отправил содержимое яиц к меду со сгущенкой. Тексту рецепта явно не хватало редактора! И потом, что за идиотизм – «Желтки разотрите с сахаром, белки взбейте». Данное указание невозможно выполнить, автор пирога, наверное, не в курсе, что желток плавает в белке, ну как его оттуда выудить? Ладно, в конце концов, можно перемешать содержимое кастрюльки ложкой. Желтая часть станет сладкой, а прозрачная взобьется.

Я схватил емкость с жижей, опустил в нее столовую ложку, поболтал ею в разные стороны и остался доволен. Что у нас дальше? «Добавьте 200 г масла». Ну, это легче легкого.

Я открыл морозильник, вытащил аккуратный брикетик. Через секунду ледяной брусок шлепнулся в кастрюльку. Я воспрял духом, оказывается, ничего хитрого в тесте нет, надо просто тупо следовать предписаниям. «Насыпьте муки столько, сколько тесто возьмет. Предварительно добавьте соду, погашенную лимоном». Вторая часть предложения меня озадачила. Что значит погасить соду? Разве она горит? Почему не указано количество соды и лимона?

Я вновь начал рыться на полке и довольно быстро нашел-таки серо-красную пачку с надписью «Сода», вот только содержимого в ней было мало, не набралось и четверти стакана. Решив, что лучше столько, чем ничего, я высыпал порошок к маслу, а сверху накидал тонко нарезанный лимон. Может быть, нужно добавить больше цитрусовых, но тогда пирог может стать излишне кислым. Муки я насыпал три стакана и впал в задумчивость. Где тесто? Из памяти выплыло слово «месить». Вздыхнув, я опустил пальцы в кастрюльку и попытался склеить воедино ингредиенты. В принципе получалось неплохо, одна беда – сильно мешал брусок масла, он никак не желал соединяться с основной массой и выскальзывал из пальцев. Но я в конце концов сумел справиться с бедой, подсыпая постоянно муку, и в результате получил гору мелких крошек. Утерев пот со лба, я понял, что в содержимое кастрюльки следует добавить воды, вот тогда все расчудесно трансформируется в монолитный ком. Слава богу, с водопроводом в Москве проблемы нет. Я влил кружку воды в кастрюлю и яростно заработал пальцами, эффект превзошел мои ожидания, крошево растворилось. Но теперь в кастрюле плескалось нечто, похожее на жидкую грязь.

И тут меня охватил азарт. Если малограмотные бабы способны печь пироги, то неужели я, человек с энциклопедическим образованием, не сумею справиться с тестом! Случались в моей биографии задачки и посложней!

Ловко манипулируя мукой и водой, я сумел получить серый, слегка липкий шар и ощутил себя полководцем Кутузовым, только что разгромившим армию Наполеона. Так, что еще указано в рецепте? «Натрите тесто на терке, предварительно произведя заморозку». У меня потемнело в глазах. Нет, это чистейшее издевательство! Ведь я уже имел кастрюлю крошек, за каким чертом составитель инструкции сначала требует все слепить, а затем вновь разломать монолит? Где маменька нарыла сей рецептик? И что нужно охлаждать: будущий пирог или терку? Автор не владеет русским языком!

Чертыхаясь сквозь зубы, я сунул в морозильник и терку, и тесто, потом наградил себя чашечкой кофе, вынул застывший конгломерат и попытался настрогать его. Вы когда-нибудь елозили по терке холодным бильярдным шаром? Если нет, то и не пытайтесь, ни малейшего удовольствия от процесса не испытаете. Я ободрал костяшки правой руки, многократно ронял липкую льдину, погнул хлипкую терку, но добился своего.

Далее оставалась ерунда.

«Насыпьте часть теста в форму». Легко. «Сверху намажьте любимое варенье». Но я терпеть не могу варенья, и его на кухне нет. Однако не станем унывать, откроем еще банку сгущенки и нальем на тесто. «Засыпьте оставшиеся крошки». Плевое дело. «Поставьте в духовку, готовность проверяйте спичкой».

Из глубины души вновь поднялась волна раздражения. Как это, проверять готовность спичкой? Зажечь ее, и дальше что? Коим образом женщины разбираются в кулинарных книгах? Решив бороться с проблемами по мере их поступления, я впихнул тяжелую форму в духовой шкаф и упал на стул.

Глава 9

Не успел я перевести дух, как в кухню вплыл сильный запах дорогого мужского одеколona, а за ним появилось маленькое, вертлявое существо, похожее на кузнечика, – это и был Монти.

– Ванечка! – обрадовался богом данный кузен.

Простите, я не силен в определении родственных связей. Кем мне приходится брат мужа матери? Двоюродным отчимом? Сводным дядей? Но в случае обретения статуса столь значимого лица Монти получает право делать замечания «сыночку» или «племяннику», уж лучше считать его кузенom, так мы с ним будем на равных. Правда, справедливости ради следует добавить: Монти не чванлив, не вреден, он просто идиот.

– А пирожок готов? – заискивающе осведомился кузен.

– В печке стоит, – сурово сообщил я.

Монти выпучил и без того выпуклые глаза.

– Ванечка, у вас в квартире голландка? И где она находится? В гостиной? Надо же! Я до сих пор не заметил ее.

– Я имел в виду духовку.

– А! Понимаю! Вначале ты пошутил? Про печку?

Я кивнул:

– Да, решил слегка позабавиться.

Монти залился счастливым смехом, пошел к окну и уронил на пол заварочный чайник. Симпатичная фарфоровая безделушка беззвучно развалилась на несколько кусков.

– Ой, беда, – пригорюнился Монти, – Николетта расстроится! Ну почему я такой неловкий!

– Если сейчас уберем осколки, маменька даже не заметит, что посуды стало меньше, – пожал я плечами, – она совсем не обременяет себя хозяйством и не пересчитывает утварь.

– Правда? – обрадовался Монти.

– Конечно, – кивнул я, – достанем из шкафа другой чайник и забудем о мелком происшествии.

Блестящие глаза кузена, похожие на очи спаниеля с больной щитовидной железой, установились на меня.

– Ванечка, – с придыханием заявил Монти, – ты такой умный! Мне бы и в голову не пришло прятать осколки. Как хорошо, что судьба нас свела, ты мой добрый ангел. А как убрать остатки чайника?

Теперь понимаете, что я имел в виду, называя кузена идиотом?

– Руками, – начал я вводить в курс дела Котика, – замести на совок!

Продолжая говорить, я принялся озираться: ей-богу, не знаю, где у маменьки веник. Вроде имелась метла с длинной ручкой. Интересно, где она? На первый взгляд никаких метел на кухне нет, впрочем, может, Николетта полетела на ней в гости?

– Ой, Ванечка, – прошептал Монти, – смотри, что вышло!

Я обернулся и ахнул. Монти сидел на корточках около невинно убиенного чайника, держал в правой руке острый осколок, из пальцев кузена капала кровь.

– Монти, ты порезался!

– Полагаешь?

– Разве тебе не больно?

– Ну, в общем, да, – промямлил он.

– Сейчас же сунь ладонь под холодную воду, – велел я и ринулся к аптечке.

Спустя десять минут Монти, полюбовавшись на пластырь, которым я заклеил порез, с чувством произнес:

– Ванечка, около тебя я ощущаю себя совершенно никчемной личностью. Ты мой кумир, образец для подражания. Все знаешь, все умеешь, водишь машину, работаешь детективом, общаешься с самыми красивыми женщинами. А я! Сейчас бы кровью истек! Откуда ты узнал, как правильно обрабатывать жуткие раны?

Я слегка смутился от обилия комплиментов.

– Монти, у тебя крошечный порез, завтра от него и следа не останется.

– Может, все-таки сделать противостолбнячный укол? – занервничал кузен.

– Право, не стоит!

– Как скажешь, Ванечка, – покорно согласился Монти, – ты мой маяк! До тебя я не имел настоящих друзей и сейчас каждое утро и вечер говорю: «Боже, спаси Ванечку».

Ну, можно ли злиться на Монти? Полнейшее добродушие обезоруживает.

Внезапно в кухне запахло горелым, я живо открыл духовку, потом, предусмотрительно натянув толстые стеганые варежки, вытащил форму и был приятно удивлен. Пирог смотрелся очень симпатично, он получился ровно-коричневого цвета и пахнул, словно свежее печенье.

– Ванечка, – взвизгнул Монти, – это ты сделал?

– Да, – с гордостью ответил я.

– Ради меня!

– Конечно, Монти.

– Ванечка!!! Ты гений! Лучший кондитер в мире! Я должен всю оставшуюся жизнь благодарить тебя, – зачастил Монти, потом вскочил и взялся правой рукой за форму.

– Осторожно, – закричал я, – горячо!

Но поздно! Монти побледнел.

– Ай! Как больно!

– Немедленно сунь пальцы под холодную воду, – опять приказал я и полез в аптечку.

Николетта безалаберна до неприличия, но в лекарствах у нее армейский порядок, у маменьки определенно должен найтись спрей от ожогов.

Спустя еще пять минут Монти простонал:

– Ванечка, у меня кружится голова.

– Ступай, дружок, в спальню, – тоном убежденного седины старца, наставляющего трехлетку, сказал я, – ляг на диван и спокойно полежи, целее будешь.

– Ты считаешь?

– Да.

– Но я хотел помочь накрыть на стол! По-моему, неприлично заставлять тебя так хлопотать ради меня!

– Спасибо, Монти, думаю, я сам справлюсь. Когда придет Алена?

– Через полтора часа.

– Замечательно, у нас есть время, чтобы привести нервы в порядок. Соберу на стол и разбужу тебя.

– Ты прав, Ванечка, я потерял много крови, поэтому и голова кружится, – забубнил кузен, направляясь к двери.

Избавившись от недотепы Монти, я приступил к дальнейшим хозяйственным хлопотам. Надеюсь, вы понимаете, что оставить кузена наедине с дамой и неразрезанным пирогом нельзя, Монти не справится с ножом, оттяпает себе голову, и несчастная Алена вместо романтического вечера получит главную роль в сериале «Скорая помощь». Надо проявить предусмотрительность. Думаю, Монти не следует угощать даму чаем или кофе. Вон там, на подоконнике, стоят пакеты с морсом, сейчас отправлю их содержимое в кувшин и посоветую кузену угостить им предполагаемую невесту.

Нахваливая себя за ум и предприимчивость, я наполнил кувшин морсом, осторожно потрогал форму, с радостью отметил, что она остыла, и приступил к изъятию пирога.

Сначала я слегка наклонил сковороду без ручек, но торт не вываливался на блюдо. Пришлось поставить форму под углом в девяносто градусов, и вновь никакого эффекта. Ну что ж, я не привык отступать.

Я решительно перевернул тару с тортом и энергично потряс ее. Но пирог по непонятной причине не собирался покидать родимую обитель. Слегка обескураженный неудачей, я, держа одной рукой форму, стукнул второй дланью по дну. В ту же секунду раздался устрашающий звук «бабах», звон, и что-то круглое, темно-коричневое, напоминающее колесо от старой детской коляски, со стуком упало на пол.

Я опешил. Минуточку, что случилось? Откуда взялся булыжник? Кто бросил со всей дури его на стол? Теперь красивое фарфоровое блюдо с голубыми ангелочками, которое я помню с детства, превратилось в белое крошево. Мало того, каменюка пробил в столе дырку!

Я ринулся к открытому окну и выглянул во двор. Если честно, я ожидал увидеть ватагу подростков, швыряющих кирпичи в квартиры соседей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.